

Российская Академия Наук

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ РАН

**ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова РАН**

Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

30 мая — 1 июня 2016 г.

Москва 2016

УДК 811.161.1

ББК 81.2Р

Редакционная коллегия:

А.М. Молдован, В.Б. Крысько, Г.И. Кустова, А.А. Пичхадзе

Ответственные редакторы: Г.И. Кустова, А.А. Пичхадзе

Печатается при финансовой поддержке

Российского гуманитарного научного фонда, грант № 16-04-14109г

Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии. Тезисы докладов международной конференции. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2016.

Оливье Азам

École Normale Supérieure, Париж

Диахрония в помощь синхронии. О пользе диахронического подхода для объяснения некоторых сложных грамматических процессов в современном русском языке

Примеров пользы диахронического подхода для освещения некоторых особенно зыбких областей грамматики современного русского языка несколько, но мы ограничимся анализом вопроса о выборе в современном русском языке формы имени прилагательного в числительной синтагме, содержащей числительные два/две, три четыре в именительном падеже.

Мы покажем, развивая интуицию А.Х. Востокова, что непонятное, сбивающее с толку иностранцев колебание в выборе формы имени прилагательного между именительным падежом множественного числа и родительным множественного числа удовлетворительно объясняется исторически слиянием воедино двух раньше разных синтаксических структур, отражающих разные актуальные членение предложения на прагматическом уровне. По Востокову высказывание «*Ехали два донские казака*» отвечало на вопрос «*Кто?*», и именительный падеж встречался в личных предложениях. Зато «*Ехало два донских казака*» отвечало на вопрос «*Сколько?*», и родительный падеж употреблялся только в безличных предложениях. Мы покажем, как и на какой основе слились обе структуры, так что прилагательные в именительном падеже множественного числа стали появляться и в безличных количественных предложениях, а прилагательные в родительном падеже множественного числа — не только в безличных предложениях, но и в согласуемых предложениях со сказуемым в множественном числе (см. в современном языке: *Продаются два больших стола. Из этой библиотеки продано две интересные книги*).

Этим примером употребления диахронии во вспомогательной роли для наведения системности и логичности в зыбких, еще меняющихся областях языка, где чистая синхрония не способна разобраться с хаосом, мы надеемся показать, что давно пора перестать воспринимать оба лингвистических подхода как взаимоисключающие. Ни в коем случае не отрицая их различие, пора вспомнить, что они взаимодополняющие.

В.Ю. Апресян

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Синкретичные семантические роли в переносных значениях

В данном исследовании на лексикографическом материале рассматривается вопрос о синкретичных семантических ролях и выборе моделей управления у переносных разговорных лексем глаголов со значением физической каузации. Гипотеза состоит в том, что синкретизм семантических ролей может сохраняться и даже усугубляться при переходе от исходного значения к переносному. Проблема анализируется в лексикографическом аспекте; основным материалом для работы послужило словарное описание глагола *завязать* в разных значениях, составленное для Активного словаря русского языка. Для многих глаголов со значением физического воздействия и/или перемещения характерен синкретизм Конечной точки и Места, при этом синтаксически Конечная точка и Место выражаются при этих глаголах различным образом, а именно, Конечная точка – предложной конструкцией *с на* и винительным падежом (*повязать ей шарф на шею*), а Место – *на с*

предложным (*повязать ей шарф на шею*). Для глагола *завязать* синкретизм Конечной точки и Места в непереносных значениях характерен в существенно меньшей степени: обычно данная валентность выражается у *завязать* как Место (*завязать бантик на шее/шарф на пояснице/ петлю на горле*). Это связано с тем, что *завязать* в гораздо большей степени является глаголом физического воздействия, нежели глаголом перемещения. Однако и для него возможна аккумулятивная модель управления при реализации данной валентности и, соответственно, синкретизм Конечной точки и Места: *Есть много способов завязать на шею шарф; Как красиво завязать платок на голову?*

Известно, что при семантическом переносе может происходить переход роли Конечной точки в роль Цели, а роли Места – в роль Причины. У глагола *завязать* роли Цели и Причины в производном значении также синкретичны. При этом синтаксически распределение Цели и Причины устроено более сложно, нежели распределение винительного с *на* и предложного с *на*. А именно, конструкции с предложным могут интерпретироваться только как Причина, однако конструкции с винительным могут служить как для выражения Цели, так и для выражения Причины. Это подтверждается корпусными данными: на месте X в конструкции с предложным падежом не встречаются обозначения активных агентов, а встречаются обозначения положений вещей и ситуаций, в то время как в конструкции с винительным активные агенты возможны наравне с положениями вещей и ситуациями; на месте Y в конструкции с предложным не встречаются обозначения целенаправленных и контролируемых действий, а также их результатов, а в конструкции с винительным они возможны.

В.Ю. Апресян, А.Б. Летучий

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Значимое отсутствие: об оппозициях конструкций с нулевой связкой и с выраженным глаголом

Как показано во многих работах, русский язык отличается «терпимостью» к нулевому выражению различных типов составляющих. Среди типов нулей, допускаемых русским языком, выделяется, в частности, нулевое выражение предиката в настоящем времени:

У него большая квартира (ср. в прошедшем *У него была большая квартира*).

Я в Москве (ср. в прошедшем *Я был в Москве*).

Наш доклад будет посвящён различиям между конструкциями с нулями указанного типа и соотносительных с ними вариантов с выраженным глаголом:

У него есть большая квартира.

Я живу в Москве.

Приведём некоторые примеры таких различий. В частности, предложения с нулевой связкой, в отличие от предложений с выраженным глаголом, лишь ограниченно допускают неодушевлённое местоимение в качестве субъекта.

**Географию изучить трудно. Она наука для избранных.*

Аналогичные конструкции возможны с выраженным глаголом:

В то время география была наукой для избранных.

Между посессивными конструкциями с нулевым предикатом и со словоформой *есть* усматриваются различия другого рода. В частности, они крайне редко употребляются с обозначениями аномальных состояний (*??У него есть лихорадка*). Напротив, форма *есть* не употребляется с названиями частей тела (*??У него ноги при нормальном У него есть ноги*).

В.А. Архипова

Московский педагогический государственный университет, ИСЛИ МПГУ
Дативно-предикативные конструкции в идиолекте М. Ю. Лермонтова
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02003,
реализуемый в МПГУ)

Целью данной работы является изучение дативно-предикативных конструкций в языке М. Ю. Лермонтова. Материалом исследования послужили прозаические тексты писателя, представленные в НКРЯ, а также все поэтические произведения, включая их разные редакции, опубликованные в собрании сочинений М. Ю. Лермонтова в 4-х томах [Л., 1981].

Общие результаты исследования. В ходе работы мы учитывали только предикативы в сочетании с дательным падежом лица, в предложениях без согласования. Всего было выявлено 67 предикативов и 346 случаев их употребления в искомым конструкциях.

Частотный анализ материала. Наиболее частотным в идиолекте М. Ю. Лермонтова оказался предикатив *надо*, зафиксированный в 36 употреблениях, что составило 10,4 % от всех случаев использования писателем дативно-предикативных конструкций. Второе место занял предикатив *удовно*, встретившийся 26 раз, что равно 7,5 % от общего количества употреблений. Третье место разделили предикативы *жаль* и *надобно*, использованные М. Ю. Лермонтовым с дательным падежом лица по 18 раз (по 5,2 % на каждый от всех зафиксированных случаев).

Семантический анализ материала. Выявленные в ходе исследования предикативы можно классифицировать по семантическому признаку, опираясь на анкету словаря русских предикативов, составленную А. В. Циммерлингом. Наибольшими группами в идиолекте М. Ю. Лермонтова являются: группа модальных предикативов, включающая 14 единиц; группа предикативов, обозначающих эмоциональное состояние (также 14 единиц); группа параметрических предикативов (11 единиц).

Т.И. Афанасьева

Санкт-петербургский государственный университет
Грамматические инновации в переводах Киприана
Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-04-00150а

Описание регулярных грамматических нововведений в языке переводов митрополита Киприана дает возможность показать степень проникновения южнославянских языковых норм в тексты, созданные в это время на территории Московской Руси. Все переводы, связанные с именем Киприана, можно разделить на его собственные переводы и на переводы, выполненные по его заказу. Большая часть произведений, приписываемых в рукописной традиции Киприану, выполнена по его заказу переводчиками его круга, в состав которых входили русские книжники, о чем можно судить по наличию русизмов в переводах. Это прежде всего переводы чинопоследований в составе Службеника и Требника.

Евхологий Великой церкви, сохранившийся в двух рукописях ГИМ Син.675 и Син. 900 рубежа XIV-XV вв. – самый большой по объему памятник, перевод которого осуществлен, видимо, по заказу Киприана русскими книжниками. Данный перевод примечателен большим числом форм и слов, ранее не встречавшихся в богослужебных памятниках. Здесь употребляется значительное число уникальных грецизмов и калек с греческого, греческие модели активно используются в синтаксисе. Наряду с грецизмами в тексте обнаруживается целый ряд лексических и грамматических русизмов, свойственных московской деловой письменности этого периода. При этом текст не лишен влияния южнославянских норм, которые в это время широко распространены в болгарских и сербских переводах. В данном сообщении дается характеристика именного склонения памятника, форм будущего времени и личных местоимений.

На примере конструкции со сказуемым во мн.ч. при подлежащем «кто» рассматриваются системные сбои в русской речи. Анализируются высказывания в диапазоне от разрешенных современной прескриптивной нормой [Голуб 1997, 2010] (но запрещенных в стандартной школьной практике [Цыбулько 2016]) придаточных компонентов сложноподчиненного предложения (в другой терминологии — относительных клауз), содержащего в главной (вершинной) части формально согласованное с подлежащим сказуемое во мн.ч. (...*все, кто знали его в эту пору, говорят о неотразимом очаровании его веселости...* [И. А. Бунин]), до безопорных конструкций, в которых плюральная форма лишена контекстуальной поддержки в пределах того же высказывания (*Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне* [А. С. Пушкин]).

Смысловое согласование по мн.ч. в разной степени поддержано контекстом. По мере приближения к нормативному варианту можно выделить следующие классы:

1. Абсолютное (безопорное) употребление. Но археологи пока не знают, **кто были носителями** этой культуры [«Знание - сила», 2012]

2. Детерминатив мн.ч. в препозиции: Беднота, жестянщики, портняги, обречённые на гибель, куда благородней, шире и умней, чем **те, кто ухитрились** запасти кое-какие продукты [В. Гроссман]

3. Опорное сочетание детерминатива мн.ч. и определяемого им имени в препозиции: *Те (все) X, кто*: ...их выбирали из **тех барышень, кто бывали** у нас летом [Л.Ф. Зуров]; ...он был в числе **тех четырех, кто выбросили** Савинкова из окна пятого этажа в лубянский двор! [А. И. Солженицын]

4. Опорное существительное или субстантиват мн.ч. без детерминатива: **Остальные, кто могут** встретиться с ним в обнимку на антикварных дагерротипах, — Маяковский, Крученых, Хлебников, Бурлюки, Гуро, Лившиц, Татлин, Кульбин, Ларионов [А. Цветков]

5. Вершинная основа мн.ч. в постпозиции к *кто*-конструкции: *Кто ... <те (все)> + глагол во мн.ч.* Прежде, бывало, **кто писывали** хорошо по-русски, так **те знавали** грамматику... [Д. И. Фонвизин]; Обсудили процедуру, **кто могли, выпили** с морозу и **пошли** [А. А. Реформатский]

6. Рамочная конструкция — главное предложение с основой мн.ч. (*кто*-конструкция в интерпозиции): *Те (все) X, кто ... + глагол во мн.ч.*: **Те, кто представляют** себе царевну сказки только как «душу — красную девицу», «неоцененную красу», что «ни в сказке сказать, ни пером написать», **ошибаются** [В. Я. Пропп]

7. Главное предложение с основой во мн.ч. в препозиции к *кто*-конструкции (в наибольшей степени обеспечивающей эффект прайминга, см. [Русакова 2013]): **А дали себя арестовать те, кто хотели** жить [А. И. Солженицын].

Материалом для анализа служат учебные тексты корпуса КРУТ (<http://web-corpora.net/CoRST>) [Пужаева и др. 2015], речевая продукция студентов и лицейстов НИУ ВШЭ, данные НКРЯ и интернет-узуса. Классифицируются типичные контексты плюральной *кто*-конструкции: рассматриваются семантические и собственно морфологические характеристики предиката, грамматические признаки элементов основы главного предложения (при его наличии).

О.С. Биккулова, Н.К. Онипенко

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Проблема деепричастной нормы и категория субъекта

1. Известное со времен М.В. Ломоносова правило употребления деепричастий (в современной терминологии — правило односубъектности) регулярно нарушается. Воспроизведение конструкций, относящихся к "серой" зоне (В.А.Ицкович), можно объяснить различными причинами: актуальным членением (О.Йокояма), отнесенностью к сфере имплицитного модуса (см. также работы Т.В.Шмелевой о деепричастии как средстве выражения модуса), кореферентностью субъекта (полной или частичной) (М.Я.Гловинская).

2. Исследования показывают, что отклонение от нормы связаны с определенными семантико-синтаксическими факторами:

а. Морфологическая форма основного предиката и невозможность именительного падежа личного субъекта в основной предикативной единице (*Иногда даже тошнит, видя очередную такую пустышку в ярком и распиаренном фантике*);

б. Семантика субъекта в именительном падеже – неличность (*Стоя у открытого шкафа, меня посетила мысль*);

с. Семантика субъекта и предиката - неличность субъекта при основном неакциональном предикате (*его окна, выходя на тюремный двор, были заделаны решеткой*);

д. Модусная семантика деепричастия, отсылающая к внешней точке зрения (*слывя, считаясь, показавшись*) и др.

3. Классификация аномальных примеров показывает, что значительную часть отклонений от нормы можно интерпретировать как результат действия эгоцентрической грамматической техники. Другие связаны с семантическими эффектами в субъектной сфере 3-го лица.

4. В докладе предполагается сопоставить аномальные (с современной точки зрения) примеры XVIII-XIX вв и аномальный материал конца XX-началаXXI в. Цель - показать, что отклонения от правила системно предсказуемы, что сходные семантико-синтаксические условия для расширения сферы действия деепричастия (за пределами нормы) существовали как при М.В. Ломоносове, так и в настоящее время.

М. А. Бородина, Е. В. Рахилина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В. А. Плунгян

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

«Тамань сегодня»: корпусное исследование русского языка XIX века

Доклад представляет проект Школы лингвистики НИУ ВШЭ. Он касается изменений, которые претерпели русские конструкции первой трети XIX-го века по сравнению с началом века XXI-го. Эти изменения, часто затрагивающие (как это бывает именно в конструкциях) одновременно лексику, морфологию и синтаксис, могут быть малозаметны, но нуждаются в регистрации и обобщении. Многие из них были еще не видны авторам классических обобщающих трудов прошлого века по русскому историческому синтаксису В. В. Виноградову – Н. Ю. Шведовой и Л. А. Булаховскому. Материалом проекта служат поздние тексты М. Ю. Лермонтова и ранние – И. А. Гончарова. Техническая задача состоит в их сплошной разметке по выработанной системе и соотнесение результатов этой разметки с известными историкам языка данными. В докладе демонстрируются пилотные версии готовящихся ресурсов и примеры их использования в лингвистических исследованиях.

А. В. Величко

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Предложения фразеологизированной структуры в синтаксической системе языка

В предшествующий период развития лингвистической науки в синтаксисе решались глобальные и чрезвычайно важные задачи – задачи выделения структурных типов предложения, определения синтаксической базы русского языка. Можно сказать, что главенствующей целью синтаксиса было исследование центра синтаксического уровня языка. В рамках этой теории определенные типы синтаксических построений расценивались как периферийные, и их рассмотрение было фрагментарным.

Современная лингвистика развивается под знаком антропоцентризма языка. Лингвистика перешла от изучения языка как системы к исследованию «языка в действии».

Новые идеи побуждают расширять поле лингвистического исследования, ставят задачу выделения новых объектов исследования, привлекают внимание к тем явлениям, которые ранее представлялись не столь важными и актуальными, однако в свете нового состояния современной лингвистики они предстают не менее интересными и не менее важными. Одним из таких объектов следует считать предложения фразеологизированной структуры (ФС), которые являются объектом нашего внимания, ср.: *Ехать так ехать!*; *Чем не помощник!*; *Где девочке все это съесть* и т.п.

В сообщении ФС рассматриваются как специфические синтаксические единицы, как системное явление языка. Они занимают особое место в синтаксической системе русского языка и имеют важное предназначение в речи, на основании чего они расцениваются как самостоятельный сегмент синтаксической системы русского языка.

И.В. Вернер

Институт славяноведения РАН

Грамматикализация предложно-падежных форм существительных в переводных церковнославянских текстах и грамматиках XVI в.

В докладе будет рассмотрена проблематика, связанная с осмыслением форм творительного падежа в церковнославянской парадигме в период, непосредственно предшествовавший кодификации творительного в Грамматике Лаврентия Зизания 1596 г. Выделению творительного в особый падеж при совмещении флексий датива и локатива как вариантов флексий дательного падежа у Зизания предшествовали попытки распределения функций творительного между локативом и генетивом с помощью предложно-падежных конструкций. Основанием для этого стало моделирование славянской грамматики по образцу греческой и латинской, представленное в переводе латинского «Доната» Дмитрия Герасимова и в переводе с греческого Псалтыри 1552 г., выполненного Максимом Греком. Две основные функции творительного – логического субъекта в пассивной конструкции и инструмента или средства – были делегированы предложным конструкциям: *отъ* + генетив (в «Донате» Герасимова как эквивалент латинского аблатива) и *въ* + локатив (в грецизированных переводах М. Грека как эквивалент греческого датива). Обе предложно-падежные конструкции имеют свою предысторию в переводных церковнославянских текстах, однако регулярность этих форм в рассматриваемых текстах, а также наличие параллельных конструкций в славянских литературных языках XV-XVI вв. позволяют говорить о несостоявшейся попытке их искусственной грамматикализации еще до появления нормативных грамматик.

Власова Екатерина Александровна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

От божественного глагола до суетной молвы: о развитии лексических показателей эвиденциальных значений при передаче чужой речи в русских летописях XII–XVI вв.

В работе рассматривается один из случаев энантиосемии, наблюдаемой у глагола речи *глаголати* и однокоренных ему слов, а также пути ее возникновения по данным летописей XII–XVI вв.

В современном русском языке *глаголати* отмечен в противоположных значениях. В книжных употреблениях *глаголати* (*глаголоти*, *глагол*) используется, как правило, при указании на истинность чужой речи, ср.: *устаи младенца глаголет истина*,

божественный глагол, глаголом жги сердца людей. Между тем в диалектной речи *глаголати* (*глаголиту, глагол* и др.) имеет негативную окраску ‘говорить заносчиво, рассуждать многословно, бессодержательно’, например: *Она уже глаголет, что попало* [Словарь русских народных говоров, 6: 177]; *А тут или глаголы, шта Колька и Мишку убил, да мала ли што глаголят* [Псковский областной словарь, 6: 166].

Исследование русских летописей XII–XVI вв. показывает, что уже в древнерусский период *глаголати* использовался как при цитировании литургических текстов, так и при передаче слухов, людской молвы: *глюѣ бо тако тако Къпанъ ѡдинѣхъ изгъывло на полку тоѡ . і . тѣсачь* (Суздальская летопись, 1223, 153 об.). В работе проанализированы основные контексты с *глаголати* при передаче чужой речи и описаны пути фразеологизации некоторых употреблений. Полученные данные имеют значение как для исторической лексикологии, так и для исследования пересказываемости – области эвиденциальных значений, указывающих на то, что информация, передаваемая говорящим, получена от других лиц, понаслышке.

М. Д. Воейкова, К. А. Иванова

Институт лингвистических исследований РАН

Семантические функции и особенности употребления отглагольных частиц *дай/давай*

Задачей исследования является описание семантических функций полнозначных императивных форм *дай/давай* и их грамматикализованных эквивалентов. Отглагольные частицы *дай/давай* обладают ярко выраженной функциональной специализацией: *дай* употребляется на ранних стадиях преимущественно как полнозначный глагол, *давай* – как модальная частица. При этом их функциональные разновидности различаются семантически и по своим валентностным свойствам: полнозначные глаголы реализуют валентность прямого объекта, первая стадия грамматикализации связана с употреблением зависимого инфинитива или личной формы (*дай пройти, дай пройду, давай пойдём*), дальнейшая грамматикализация связана с потерей или меной зависимых компонентов, ср. *давай про мишку, давай отсюда, ешь давай* и характерна только для глагола *давай*. При тождественном происхождении частицы *дай/давай* обладают различной потенциальной способностью к грамматикализации.

Кроме того, они избирательно относятся к глагольным распространителям: *дай* свободно сочетается только с глаголами СВ, употребление НСВ допускается в ограниченных контекстах. Частица *давай* свободно сочетается с глаголами НСВ в императиве ед. ч. (*давай ешь*). Императив совместного действия (*давай споем*), напротив, в большинстве случаев включает в себя форму глагола СВ и выступает именно в качестве побуждения к новому действию.

Е. А. Галинская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Некоторые формы неличных местоимений в древнерусских текстах XIV–XV веков

В ряде древнерусских текстов XIV–XV вв. обнаруживаются нетривиальные формы род. п. ед. ч. жен. р. *моиѣ, твоиѣ, своиѣ, нашиѣ, вашиѣ*. По мнению А. А. Шахматова, они появились «под влиянием *синиѣ, добрыѣ, тыѣ*». Однако формы *синиѣ* исконно в др.-русск. языке не было, она возникла позже под влиянием твердого варианта склонения. Если говорить о влиянии форм типа *тыѣ*, то нужно доказать их наличие в том диалектном регионе, где были написаны тексты, отражающие формы типа *своиѣ*. Если предположить влияние прилагательных типа *добрыѣ*, то надо понять, каков мог быть механизм влияния

твердого варианта прилагательных на мягкий вариант неличных местоимений, причем только притяжательных.

Большое количество форм типа *своиѣ*, *нашиѣ* обнаруживается в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV-XV вв. Формы *тыѣ* в них нет. Ср. грамоту № 76, где сосуществуют формы *нашиѣ*, *вашиѣ* и форма *тоѣ*, то есть с этой стороны влияния, скорее всего, не было. Если предположить влияние твердого варианта склонения прилагательных, то это могли быть прилагательные с основой на заднеязычный, смягчившийся после перехода *кы*, *гы*, *хы* в *ки*, *ги*, *хи* (напр., *великиѣ*), такие формы в грамотах, имеющих формы типа *своиѣ*, есть, а форм прилагательных на *-оѣ* после заднеязычных нет. Но почему влияние было избирательным – только на притяжательные местоимения? Форм **всиѣ*, **сиѣ*, **иѣ*, **ниѣ* не отмечено. Возможно, дело все же не во влиянии твердого варианта склонения прилагательных, а во влиянии род. пад. мн. числа на род. пад. ед. числа: *моиѣ*, *твоиѣ*, *своиѣ*, *нашиѣ*, *вашиѣ*, как *моихъ*, *твоихъ*, *своихъ*, *нашихъ*, *вашихъ*. А форм **всиѣ*, **сиѣ*, **иѣ*, **ниѣ* не получилось, так как род. мн. – *встѣхъ*, местоимение *сь* попало под влияние твердого варианта (отмечены формы *стѣхъ*, *стѣмъ*), а парадигма местоимения *она* оторвалась от парадигмы множественного числа местоимения *они*, так что *ихъ* не влияет на *еѣ*. Формы Р.п. ед. ч. ж.р. от других местоимений мягкого вар. (*сиць*, *чиц*, *кыц*, *ныц*, *нѣкыц*) не встретились.

В новгородско-псковской зоне в XIV-XV вв. предположительно форм типа *своиѣ* не было.

В говорах великорусского центра первыми утрачивались формы *моиѣ*, *твоиѣ*, *своиѣ*, а формы *нашиѣ*, *вашиѣ* держались дольше. Возможно, это связано с ударением – ненормативность ударного окончания *-иѣ* ощущалась сильнее, чем безударного.

А. А. Герасимова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Московский педагогический государственный университет

Категориальный и аргументный статус инфинитивных оборотов в русском языке

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02003, реализуемый в МПГУ)

В работе рассматривается проблема падежного оформления внешнего аргумента русских событийных номинализаций, имеющих инфинитивное дополнение. При именах действия данного типа обнаруживается вариативное падежное маркирование: внешний аргумент номинализации может быть маркирован как родительным падежом, так и творительным:

(1) *требование педагога / педагогом прочитать статью.*

Согласно результатам экспериментального исследования, оценка грамматичности оформления внешнего аргумента творительным падежом зависит от того, какой актанта контролирует нулевое подлежащее нефинитивной клаузы (PRO). Так, инструменталис в (3) оценивается более допустимым, чем в (2), и менее допустимым, чем в (4):

(2) *обещание монархом провести референдум (объектный контроль);*

(3) *распоряжение начальником переделать отчет (адресатный контроль);*

(4) *упрашивание девочкой бабушки купить игрушку (пациентивный контроль).*

Согласно [Babby 1998], тип контроля влияет на синтаксическую структуру инфинитивного компонента, а именно, определяет селекцию категории инфинитивного оборота со стороны матричного предиката.

Наша гипотеза состоит в том, что падежное оформление внешнего аргумента коррелирует с категориальным статусом инфинитивного актанта. Так, количество функциональной структуры в инфинитивном обороте, а также место присоединения

инфинитивного актанта в иерархической структуре клаузы определяют механизмы приписывания падежа внешнему аргументу матричного предиката.

В рамках доклада мы представим анализ закономерности, а также установим, как номинализации с инфинитивными актантами соотносятся с другими именами действия.

А. А. Гиппиус

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Институт славяноведения РАН

Морфологическая вариативность в древнерусском поэтическом тексте (на материале древненовгородской эпитафии)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Среди надписей-граффити Новгородского Софийского собора XI-XII в. есть несколько текстов, имеющих стихотворную форму. Это надпись 206 (паралитургическая композиция, навеянная кондаком великого покаянного канона Андрея Критского), надпись № 203 (фольклорный текст заговорного характера), а также пока не опубликованная надпись, сохранившаяся в виде фотографии слепка, изготовленного в начале XX в. для И. А. Шляпкина и представляющая собой стихотворное прорицание. Общей особенностью этих текстов, рельефно оттеняемой противоположностью стоящих за ними литургической и фольклорной традиций, является соединение языковых (в первую очередь, морфологических) черт разных регистров. Это смешение, как будет показано в докладе, является преднамеренным и служит целям достижения определенных поэтических эффектов.

Д.О. Добровольский

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Грамматика конструкций и системность русской фразеологии

К базовым принципам грамматики конструкций относится отрицание четкой границы между грамматикой и словарем и отказ от статичного взгляда на язык, согласно которому высказывания строятся из лексических единиц с фиксированными значениями, соединяемых по независимым от этих значений регулярным грамматическим правилам. Иными словами, план содержания единиц лексикона зависит от синтаксиса, а синтаксис зависит от выбора лексических единиц. Поскольку фразеология, по определению, находится в промежуточной зоне между лексиконом и грамматикой, вполне естественно, что интересы грамматики конструкций и теории фразеологии пересекаются, причем с точки зрения грамматического описания русского языка важно понять, какие особенности организации фразеологической системы попадают в ведение грамматики.

На первый взгляд такая постановка вопроса может показаться экзотичной для русской грамматической традиции, на самом же деле сходная проблематика обсуждалась уже в 1960 году в известной работе Н.Ю. Шведовой «Очерки по синтаксису русской разговорной речи». Обращение к методам грамматики конструкций, по сути, развивает это направление.

Н. Р. Добрушина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Сослагательное наклонение в русских универсальных условно-уступительных конструкциях

Доклад посвящен проблеме использования сослагательного наклонения в универсальных условно-уступительных придаточных типа *Кто бы ни пришел, всех пускали*.

Употребление сослагательного наклонения в этих придаточных не может быть объяснено через ирреальность, так как универсальные условно-уступительные придаточные часто синонимичны аналогичным конструкциям с индикативом (*Кто ни приходил, всех пускали*) и обозначают реальные ситуации.

На обширном корпусном материале будет показано, что сослагательное наклонение в этих придаточных мотивировано хабитуальностью подчиненных ситуаций. Хабитуальные пропозиции обладают свойством нереферентности, поскольку обозначают класс ситуаций, а не одну конкретную ситуацию. По этой причине во многих языках мира ирреальные наклонения используются при обозначении хабитуальных пропозиций.

Важным подтверждением того, что сослагательное наклонение служит для выражения хабитуальности, является выбор видовых форм в универсальных условно-уступительных конструкциях: если придаточное содержит индикатив, то предикат почти никогда не имеет форму прошедшего времени совершенного вида, в то время как сослагательное наклонение снимает это ограничение. И, напротив, если придаточное содержит сослагательное наклонение, то главное предложение крайне редко имеет форму прошедшего времени совершенного вида, между тем как индикатив в придаточном с прошедшим временем совершенного вида в главной части сочетается.

М. Я. Дымарский

Институт лингвистических исследований РАН

Признак контролируемости и семантика инфинитивных предложений

В примерах типа (1–2) ощущается конфликт между признаком контролируемости действия и семантикой конструкции:

(1) — *Не вор же ты и не злодей, на чужое посягающий. Участь такая у меня — твоей быть. Планида... Не убить бы мне тебя только... — Как это? — Теплый ты пока еще...* (Б. Б. Вахтин. Надежда Платоновна Горюнова).

(2) *Д в о е т о ч и е. А вам бы, Варвара Михайловна, не волноваться так, а? Прекратит бы разговорец-то? Пойдемте гулять... вы обещали* (М. Горький. Дачники).

Для семантики инфинитивных предложений существенны следующие факторы: 1) конструктивно закрепленный признак инактивности субъекта (Г. А. Золотова); 2) темпоральный вектор; 3) персональная отнесенность; 4) тип пресуппозиции; 5) тип обозначаемой ситуации; 6) лексико-семантический вариант глагола.

В примерах типа (1) первый признак вступает в конфликт с значением глагола: здесь *убить* использовано в значении, предполагающем контролируемость действия. Между тем в примерах типа:

(3) *В запале оправданного ниспровергательства не убить бы чуткий интерес к сложным писательским судьбам, к мучительной подчас противоречивости творчества, подразумевающего в исследователе умение пользоваться не одним лишь скальпелем* (В. Кардин. К вопросу о белых перчатках // «Огонек». № 3, 1991)

— оттенок значения другой, не предполагающий ни контроля над процессом, ни намерения довести его до результата. Иным оказывается в этом случае и темпоральный вектор, и общий итог: конфликта значений здесь не ощущается.

В примерах типа (2) конфликтогенным фактором оказывается отнесенность ко 2-му лицу, превращающая высказывание в совет / просьбу. Советуют то / просят о том, что находится во власти субъекта предполагаемого действия, в то время как *волноваться* — неконтролируемое состояние.

Возможность неоднократного воплощения семантического признака [\pm Контроль] в контропативных инфинитивных высказываниях создает предпосылку для конфликта значений этого признака в пределах одной и той же реплики. Конфликт значений, в свою

очередь, создает в рассматриваемых высказываниях неповторимое мерцание смыслов, влекущее принципиально неоднозначное прочтение.

О.Ф. Жолобов

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Заметки об имперфекте

В известной берестяной грамоте № 605 (к. XI – 1 треть XII в.) в прямой речи автора послания представлены 3 типа претеритальных форм: письмо открывается аористом с восточнославянской приставкой *розгнѣваса*, который сменяется цепью перфектных форм *не поустиле* (с новгородским окончанием), *прашалъса*, *посълалъ*, *пришьла есвъ*, *звонили*, а в конце письма появляется имперфект *мълвлаше*. Вообще в прямой речи письма ожидалось бы употребление исключительно перфекта, однако, как показал А.М.Кузнецов, нарративное прошедшее – аорист и имперфект – также допускались в прямой речи, наряду с перфектом, уже в архаичных старославянских источниках. А.А.Зализняк связал аорист и имперфект грамоты с элементами книжного стиля, тогда как перфекты – с простым переходом к универсальному прошедшему живой речи. Вместе с тем он отметил, что аорист и имперфект функционально обособлены: они относятся к действиям адресата письма – Исухия. Это, на наш взгляд, означает, что аорист и имперфект в письме были использованы не в сугубо стилистических целях, а были необходимы в качестве форм с нарративными функциями, в частности функции нарративной экспозиции и нарративного сдвига, в отличие от форм перфекта. Полагаем, что этот факт является свидетельством, во-первых, неуниверсальности перфекта как претерита в данный период, во-вторых, актуальности для него значения удостоверительного прошедшего или свидетельского прошедшего. Важность именно семантики удостоверительности и свидетельства способствовала сохранению единственной индоевропейской формы перфекта *въдѣ*. Таковую же роль играли формы *есмь*, *еси* и т.д. в составе нового славянского перфекта.

Претеритальная неуниверсальность перфекта подчеркивается его преимущественной связью с прямой речью, а это доказывает, что аорист и имперфект в качестве форм нарративного прошедшего были необходимой частью живой речи в ранний период. Несомненным наследием оппозиции аориста и имперфекта явилось развитие категории вида. Имперфект – вторичный претерит в индоевропейском – имел, помимо претеритального, видовое значение. Поскольку безаугментный имперфект в индоевропейском получал функции инъюнктива, в праславянском произошло новое претеритальное удвоение, в результате которого акцент на аспектуальной семантике имперфекта усилился.

Анна А. Зализняк

Институт языкознания РАН

Русские префиксальные глаголы движения: идеи А.В. Исаченко 50 лет спустя

Хотя трактовка русских глаголов движения несов. вида типа *приходить* как образованных – в нарушение принципа перфективирующего эффекта префиксации, действенного во всей остальной системе русского глагола, – префиксацией глагола неопределенного движения (т.е. *при + ходить*) была отвергнута уже почти 100 лет назад С.Карцевским (1927), а впоследствии окончательным образом опровергнута А.В.Исаченко (1960, 1962), это представление продолжает не только воспроизводиться в грамматиках и учебниках русского языка, но и сохранять привлекательность для исследователей, которые приводят, в том числе, семантическое обоснование такого способа деривации – несмотря даже на то, что лишь 6 глаголов из 14 в принципе позволяют рассматривать возможность такой трактовки (а остальные 8 составляют, таким образом, «исключение из исключения»).

В докладе демонстрируется, что русские глаголы движения представляют собой исключительно строгую систему, включающую:

- 1) непреложную реализацию принципа перфективации путем префиксации;
- 2) последовательное семантическое противопоставление двух типов значений (соответствующих двум рядам глаголов движения), сохраняющееся во всех производных формах и значениях;
- 3) имперфективацию как функциональный механизм формирования видовых пар.

Имеющийся в одной точке данной системы дефицит морфологических средств приводит к частичной омонимии форм, существование которой, однако, не мешает полноценной реализации всех заложенных в системе смысловых оппозиций.

Н.А. Зевахина, С.С. Джакупова, С.Ю. Пужаева, О. Рамзайцева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Исследования на материале Корпуса русских учебных текстов

В докладе мы хотели бы представить наши результаты работы с Корпусом русских учебных текстов (далее КРУТ, <http://web-corpora.net/CoRST/search/>) за последние 3 года и наметить некоторые перспективы. КРУТ — это корпус, существующий в электронном виде и в бесплатном свободном доступе, содержащий письменные тексты русскоязычных студентов. Специфика корпуса состоит в том, что в нём собраны тексты, содержащие так называемые «ошибки», или отклонения от кодифицированной нормы, которые имеют разную природу: лексическую, грамматическую, дискурсивную. Некоторые из этих отклонений носят систематический характер, и именно они представляют особый интерес для лингвистов. Все такие систематические отклонения отражены в системе тегов для разметки текстов. Некоторые из систематических отклонений были нами уже проанализированы ((не)совпадение падежа при эллипсисе в сочинительных конструкциях, контаминация конструкций); ещё над одним ведётся работа на данный момент (факторы, влияющие на нарушение кореференции деепричастных оборотов). Кроме того, разрабатывается система автоматического выделения ошибок — пока на примере сравнительных конструкций.

Н. В. Ивлиева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Московский педагогический государственный университет

Особенности семантики разделительного союза *то ли ... то ли*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02003, реализуемый в МПГУ)

В докладе рассматривается семантика союза *то ли ... то ли* в сравнении с семантикой других разделительных союзов русского языка и приводится формальный анализ наблюдаемых свойств. Основной особенностью значения союза *то ли... то ли* является **обязательная** пресуппозиция неуверенности, которая, по-видимому, также есть у союза *не то ... не то*, но отсутствует у других разделительных союзов (см. Русская грамматика: в 2 тт. М.: Наука, 1980. Т.2. Синтаксис). Неуверенность может приписываться говорящему (*Вчера приходил то ли Петя, то ли Вася*) или одному из участников описываемой ситуации (*Коля думает, что к нему приходил то ли Петя, то ли Вася*).

Наличие обязательной пресуппозиции неуверенности позволяет с минимальными допущениями объяснить несколько специфических свойств конструкций с союзом *то ли ... то ли*. Например, объясняется невозможность употребления конструкции в контекстах «свободного выбора» (например, значения «свободного выбора» нет в предложении *Вам разрешается написать то ли сочинение, то ли изложение*; ср. предложение *Вам разрешается написать (или) сочинение или изложение*, где возможна интерпретация «свободного выбора» без вывода о неуверенности говорящего). Также объясняется высокая

сфера действия дизъюнкции в предложениях с подлежащими–универсальными кванторами в случае приписывания неуверенности говорящему (*Каждый из них хотел встретить девушку, которая читала книги то ли по соссюрговской, то ли по хомскианской лингвистике*) и ряд других свойств.

Л.Л. Иомдин

Институт проблем передачи информации им. А.А.Харкевича РАН
Повторимые актанты предикатных слов: грамматика и семантика.

В синтаксической теории «Смысл – Текст» и, вслед за ней, в синтаксической системе, на которую опираются многие исследователи Московской семантической школы, предполагается, что валентности предикатных слов являются неповторимыми. Это означает, что от одного такого слова не может синтаксически зависеть более одного подлежащего, прямого дополнения, адресатного дополнения и т.д. Данный факт существенно используется в теоретических построениях и при разработке алгоритмов синтаксического анализа.

Между тем в целом ряде ситуаций дело обстоит иначе. Так, русские глаголы движения вполне допускают при себе двукратные и даже трехкратные выражения сильных валентностей местоположения, конечной точки и (реже) исходной точки, а фазовые и событийные глаголы допускают повторение временной валентности; ср. *Если выпало в Империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря* (И. Бродский); *В Москву он каждый день отправляется на работу аж в Северное Бутово; Он уехал из Москвы с Таганки, Конференция начнется в понедельник в 10 утра* и т.д. В текстах встречаются и другие, менее регулярные ситуации раздвоения валентностей, даже самых центральных вроде прямого дополнения, ср. *Жену он взял казачку Токмакову*.

В докладе будут рассмотрены возможные теоретические решения, которые, по мнению автора, позволят адекватно отразить это противоречие. В частности, будет прослежена аналогия между этими конструкциями и ситуациями расщепленных валентностей с внешним посессором типа *смотреть тигру в глаза, мальчик забрался к папе на колени* и т.д.

И.Б. Иткин

Институт востоковедения РАН, школа «Муми-Тролль»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Структура категории одушевленности в современном русском языке

Исследователи русского языка: Н.А. Еськова, А.А. Зализняк, Л.Л. Иомдин и др. – неоднократно обращали внимание на парадокс, связанный с поведением существительных м.р. типа *домина*: сочетания типа *огромный домину* воспринимаются многими носителями как рассогласованные (некоторые лингвисты даже считают их вовсе неупотребительными или недопустимыми), хотя с точки зрения "обычной" грамматики таковыми не являются, поскольку не только форма *домину*, но и форма *огромный* может представлять собой вин.п.

Сопоставляя сочетания типа *огромный домину* с не вызывающими никаких трудностей сочетаниями типа *здоровенного мужичину* (которые, заметим, грамматически ничем не отличаются от совсем уж обычных примеров типа *доброго дедушку*), Н.А. Еськова отметила, что в таких сочетаниях прилагательное и существительное "согласуются в «неименительности» винительного падежа" (см. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы: свыше 70.000 слов / Н.А. Еськова, С.Н. Борунова, В.Л. Воронцова; под ред. Н.А. Есковой. 10-е изд., испр. и доп. М., 2015. С. 979).

Отчасти развивая замечательную идею Н.А. Есковой, мы постараемся показать, что в русском языке прилагательные и другие атрибутивы не просто согласуются с существительными по категории одушевленности: **прилагательные согласуются с существительными по ВЫРАЖЕННОСТИ категории одушевленности**, ср. *вижу*

новый (вин.п. = им. п.) *дом* (вин.п. = им. п.) ~ *нового* (вин.п. ≠ им. п.) *ученика* (вин.п. ≠ им. п.) <одушевленность выражена и в сущ., и в прил.>, **но** *вижу новую* (вин.п. ≠ им. п.) *книгу* (вин.п. ≠ им. п.), *ученицу* (вин.п. ≠ им. п.), *вижу новую* (вин.п. ≠ им. п.) *упряжь* (вин.п. = им. п.), *лошадь* (вин.п. = им. п.), *вижу новое* (вин.п. = им. п.) *письмо* (вин.п. = им. п.), *чудище* (вин.п. = им. п.) <во всех этих случаях одушевленность не выражена ни в сущ., ни в прил.>. Как кажется, это удивительное явление не вписывается в рамки никаких лингвистических теорий.

В. В. Казаковская

Институт лингвистических исследований РАН

**Эпистемическое маркирование на ранних этапах развития детской грамматики
(по данным спонтанной речи)**

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект 14-18-03668

В докладе рассматривается становление механизма эпистемического маркирования в русской детской речи. Материалом для анализа служит лонгитюдный корпус данных, представляющий собой расшифрованные, затранскрибированные и закодированные (CHILDES, <http://childes.psy.cmu.edu>) аудио- и видеозаписи спонтанного диалога типично развивающихся детей (в возрасте от полутора до шести лет) и их взрослых собеседников (около 200 часов). В центре внимания — особенности начального репертуара эксплицитных средств выражения семантики уверенности (*конечно, действительно, на самом деле* и др.) и неуверенности (*наверное, кажется, видимо, возможно, пожалуй* и др.). В частности, определяется время появления эпистемических маркеров в речевой продукции ребенка, характеризуется их разнообразие (types), частотность (tokens) и функциональный диапазон, обнаруживаются внутренние (системно-языковые) и внешние факторы, влияющие на развитие эпистемического лексикона, в связи с чем обсуждаются релевантные для усвоения рассматриваемого языкового феномена черты обращенной к ребенку речи взрослых (а именно качество и количество получаемого им «модального инпута»). Вместе с тем к анализу привлекаются соответствующие данные речи взрослых носителей языка (<http://ruscorpora.ru/index.html>). Наконец, демонстрируется роль эпистемического маркирования в когнитивном (Child's Theory of Mind) и языковом развитии: появление маркеров эпистемической оценки анализируется на фоне развития других грамматических навыков ребенка. Полученные результаты обосновываются статистически, а также соотносятся с мировым опытом в сфере изучения онтогенеза деонтической и эпистемической модальности.

Ю. П. Князев

Санкт-петербургский государственный университет

**Русские возвратные глаголы на универсальной семантической карте
рефлексивности**

Возвратные (рефлексивные) глаголы и конструкции с ними (далее – РГ и РК) сочетают многообразие семантических разновидностей с их поразительной однотипностью в самых разных языках. В русском языке можно различать (не всегда под теми же названиями), в частности: а) собственно возвратные РГ (*Андреев постарался вымыться как следует*); б) автокаузативные РГ (*Он спрятался за высоким памятником*); в) декаузативные РГ (*У него все приборы ломались*); г) потенциально-пассивные РГ (*Эта книга очень легко читается*); д) пассивные РГ: (*Войны всегда проигрываются преступниками, а выигрываются героями*). Согласно преобладающей точке зрения, собственно возвратное значение является начальной точкой семантического развития РГ, а функция выражения пассива – одной из последних.

В современном русском языке наиболее употребительны автокаузативные и декаузативные РГ. И те, и другие обозначают ситуации с одним участником; причем

автокаузативные РГ подобны «неэргативным» (агентивным) непереходным глаголам типа *бегать*, а декаузативные РГ – «неаккузативным» (пациентивным) глаголам типа *гнить*. Другая особенность русских РГ – широкое использование РГ для реконцептуализации ситуаций, предполагающих наличие внешнего агенса, как автономных, декаузативных или автокаузативных: *Занавес опустился; Мальчик картофеляины пек, проверял прутиком: испеклись или нет, снова в костер их закатывал* (С. Василенко); *В свой первый полёт в мае 1987 года суперракета «Энергия» отправилась со 100-тонным «Скифом-ДМ»* (И. Сафронов).

И. М. Кобозева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Когнитивно-семантический подход к описанию средств связи предложений (на примере коннекторов со значением непосредственного следования)

В «Русской грамматике» (1980, 1982) описание средств связи предложений исходит из примата формальных свойств устанавливаемой связи (союзная / бессоюзная, сочинительная / подчинительная и т.д.). В рамках СПП расчлененной структуры эти связи сначала получают обобщенную семантическую характеристику (напр., временные отношения), но затем описание опять идет от формы: от маркеров связи к их свойствам. В результате способность говорящего выражать то или иное отношение между событиями не получает естественного отражения. Так, порождение СП, части которого связаны отношением непосредственного следования (далее ОНС), предстает какоснованное на знании дюжины простых и составных союзов и их аналогов (*как, только, едва, лишь, чуть, как только, лишь только, только лишь, чуть лишь* и т.д.), списка факультативных маркеров связи, которые, появляясь в главной части СПП, образуют двухкомпонентный вариант союза, ограничений на образование таких вариантов, списка конкретизаторов, правил употребления глагольных форм в соединяемых частях и др. И при всем том мы встречаем в корпусах грамматичные СП, которые грамматика не предсказывает либо запрещает.

Когнитивно-семантический подход во главу угла ставит замысел говорящего, в передаче которого участвуют не только языковые средства, но и принципы общения (презумпция связности речи, максимы Способа (Grice 1975) и др.), и знания о мире (типовые сценарии). Благодаря этому ОНС может быть передано и без «спецсредств», ср. *Вот пуля пролетела, и товарищ мой упал*. Если нужно, то ОНС выражается при помощи слов, в значении которых есть указание либо на ограничение предшествующего ситуации действием или фазой, которая была прервана наступлением последующей (напр., *только*), либо на то, что последующая не отделяется от предыдущей сколько-нибудь существенным интервалом (напр. *сразу*). При этом нет запрета на избыточное использование нескольких маркеров, как в *Едва лишь только р, как тотчас q*. За исключением пары синтаксических фразем (*как только, только что*), все сочетания порождаются в речи по отчасти семантически мотивированным правилам. В результате получаем более экономное описание, которое не только констатирует, но и объясняет факты.

М.В. Конопев

Хельсинкский университет, Финляндия

В начале были слова. Коллокация как начальная точка грамматического процесса

Идея о том, что «слова характеризуются тем, что их окружает» [Firth 1957], имеет долгую историю. В последние годы анализ больших массивов данных и возможность экспериментально определять сочетаемостные предпочтения позволили выявить единицы, занимающие промежуточное положение между многокомпонентной лексемой

(фразеологизмом) и словосочетанием. Одним из результатов этого интенсивного изучения стало расширенное понимание *статистических* (Evert, 2008), или *эмпирических* (Nesselhauf, 2005), коллокаций, понимаемых шире, чем языковые единицы, имеющие некомпозициональное значение [Мельчук 1960; Mel'čuk 1995; Борисова 1995; Кустова 2008в и др.]. В докладе под коллокациями понимается «неслучайное сочетание двух и более лексических единиц, характерное как для языка в целом (текстов любого типа), так и определенного типа текстов (или даже (под)выборки текстов)» [Ягунова, Пивоварова 2011: 575, см. еще Stubbs 2005, Sinclair & Mauganen 2006 и др.]. В докладе будет показано, что устойчивая воспроизводимость коллокаций формирует набор признаков, который включает в себя частотные характеристики совместной встречаемости, а также конструкционные ограничения и ограничения конкретной лексемы, проницаемость и др. Коллокации часто являются "свободными" (т.е. устроенными композиционально) единицами, но именно они служат начальной точкой языкового обобщения, и именно их устойчивое воспроизведение приводит к появлению лексического фразеологизма, синтаксической конструкции или морфологического правила.

С. А. Крылов

Институт востоковедения РАН

Процесс субстантивации прилагательных и статус грамматического рода

Грамматическая категория (ГК) рода - это собирательное понятие для более узких (род существительного, местоимения и др.)

Род существительного (N) понимается как ГК, содержательно не сводимая к согласовательной функции, но имеющая также и свой непустой "номинативный" аспект. Коррелятивность рода для 3 разных классов N организована по-разному.

1) Для N, не входящих в родовые корреляции, род является классификационной ("некоррелятивной") ГК.

2) Для N, входящих в нерегулярные родовые пары, отличающиеся по смыслу признаком отношения к полу (типа *цыган - цыганка*), род выступает как "непоследовательно коррелятивная" ГК, сочетающая формообразовательные функции с деривационными (такое сочетание проявляется в технике словарной подачи родовых пар).

3) Для N, входящих в регулярные родовые пары, род представляет собой ГК, характеризующуюся "последовательной коррелятивностью". Диахронически тип (3) возник в результате субстантивации прилагательных. Ср., напр., фамилии: *Иванов / =a/ =ы*. Предлагается считать члены таких пар формами одной лексемы, входящими в её парадигму, что соответствует не только лексикографической практике, но и нормам гражданского законодательства.

У анафорических местоимений-существительных (*он, который и себя*) род имеет также формообразовательный, и при этом согласовательный (обуславливаемый = контролируемый) характер, что заставляет признать их тоже особым грамматическим разрядом слов.

В. Б. Крысько

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Чередование *o/ø* в глагольном формообразовании

Индоевропейское чередование **e/ø* в древнерусском языке широко представлено в виде чередования *e/ь*, которое встречается у глаголов I и III леслиновских классов с основами инфинитива на согласный (С-инф.) и на -а-:

I		III	
С-инф.	-а-инф.	С-инф.	-а-инф.

<i>чисти</i> (*kejt-) / <i>чьту</i>	<i>жьдати</i> (*gīd-) / <i>жиду</i> (*gejd-)	<i>литу</i> (*leĭ-) / <i>лью</i> (*lī-)	<i>стьлати</i> / <i>стелю</i>
<i>веречи</i> (*verg-) / <i>вьрзу</i>	<i>брьрати</i> / <i>беру</i>		<i>ньсати</i> / <i>пишу</i>

В сочетаниях типа **telt* аблаут *e/ь* синхронно выступает в виде *o/ъ*: *толочи* (**telk-*) / *тълку*.

Существенно реже фиксируется исконное чередование *o/ъ*:

I		III
С-инф.	-а-инф.	-а-инф.
<i>сути</i> / <i>сьту</i> <i>дути</i> / <i>дъму</i>	<i>зъвати</i> / <i>зову</i>	<i>стръгати</i> / <i>стружу</i> <i>дъхати</i> / <i>душу</i> <i>съкати</i> / <i>сучу</i>

Материал древнерусских памятников, введенный в научный оборот в последнее время, позволяет несколько расширить круг основ, допускавших чередование *o/ъ*, прежде всего за счет глагола, неоднократно выступающего с презенсом *скърб-*. Ранее, исходя из первичности в данном случае *ь*-вокализма (*скърб-*, ср. *щербина*, *ущерб*), мы считали формы с *ъ* результатом изменения *ь > ъ* после заднеязычного (по типу *скълазь > скълазь*) и соответственно предлагали реконструировать инфинитив в виде **skerbteĭ > *скерети* / *щерети* (ю.-слав. **скръѣти*). В настоящее время мы склонны рассматривать вариативность *скърб-* / *скърб-* в славянском как исконную, связанную с разной рефлексацией – возможно, диалектно дифференцированной – индоевропейского слогового плавного (ср. *тързати* / *търгати*) и/или аблаутом **i/*ĭ*, и, следовательно, реконструировать инфинитив **skerbteĭ* только для форм типа *скърбеть*, *скърбоуть*, *скербеши*, *въскърѣти* (см. «Очерки» 2007, с. 20), а для более частотных форм типа *скорбу*, *скърбеть*, *скорбѣте*, *скърбѣше*, *скърбѣши*, *скорбѣмъ*, *скорбѣта* (см. СДРЯ XI) – инфинитив **skorbteĭ > *скороти* (resp. **скратѣ*). Наряду с недавно обнаруженной в берестяной грамоте № 957 формой наст. вр. *укльдеть*, для которой А. А. Зализняк обоснованно восстановил инфинитив *уколости*, данное образование составляет параллель к хорошо известным формам с чередованием *e/ь* в основах на плавный у глаголов I класса.

В III классе в ряд основ с чередованием *o/ъ* кажется правомерным включить *гънати* / *гоню* – полный аналог *стръгати* / *стружу*, реинтерпретируя парадигму *жену* как реликт исконной парадигмы **gĭnteĭ* (или без чередования – *genteĭ*) / **genom* (с инфинитивом, исчезнувшим вследствие омонимии с глаголами *жати/жьму* и *жати/жьню*). В результате процессов межпарадигмального взаимодействия инфинитив *гонити* – исконный итератив типа *бродити* – присвоил и первоначальную презентную парадигму глагола *гънати*.

Наконец, чередование *o/ѐ* предлагается усматривать в группе глаголов типа *згю* / *зяти* (**zoi-* / **zĭ-*).

Г.И. Кустова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Московский педагогический государственный университет

Валентности и конструкции прилагательных

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02003, реализуемый в МПГУ)

Прилагательные, будучи в плане семантики предикатными словами, в плане грамматики не являются полноценными предикатами (по сравнению с глаголами). При этом они имеют ряд «глагольных» признаков, например, своего рода «падежную рамку», или модель управления. У некоторых прилагательных валентности отчетливо коррелируют с глагольными – и по содержанию, и по форме выражения (*готовится* / *готов к чему*; *убедился* / *убежден в чем*). Однако есть определенный набор падежных и предложно-падежных форм, которые выражают валентности, типичные именно для прилагательных: Дат., для Род., в Пр., к Дат., с Тв. (*интересен детям и взрослым, вреден для здоровья, силен в*

математике, резок в суждениях, почтителен к старшим / со старшими). При этом, как и у глаголов, одна и та же падежная конструкция может иметь разное семантическое содержание: *обиден для друзей / удобен для поездок / удачен для нас / смышлен для своего возраста / труден для ребенка*.

Одни падежные конструкции прилагательных можно рассматривать как результат актуализации вневременного признака, это прежде всего относится к классу «черты характера – поведение» (*вежливый / внимательный юноша – вежлив с посетителями / внимателен к посетителям*), другие – как результат преобразования некоторой исходной конструкции (*беспристрастно оценивает, беспристрастные оценки → беспристрастный в оценках; Дети понимают → понятен детям / для детей; трудно понять → труден для понимания; дорого эксплуатировать → дорог в эксплуатации*). В докладе рассматриваются корреляции между семантическими классами и синтаксическим поведением прилагательных.

Е.М. Лазуткина

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
**О новой модели двусоставного глагольного предложения
в современном русском языке**

В синтаксической системе русского языка в XXI веке закрепился частотный речевой образец с семантикой схемы «изменение состояния субъекта, являющегося объектом действия». Это активная конструкция с событийным акциональным постфиксальным глаголом-предикатом СВ или НСВ; например: *Этот студент сдаст зачет и допустится к экзаменам; Он всегда допускается к сессии; Больной прокапается и пойдет на процедуры*.

В качестве методологического инструмента описания используем диатезу – функционально-семантическую категорию предиката, показывающую соотношение представления говорящих о роли «участников» в реальном событии с его отражением в структуре предложения. Диатеза обусловлена выбором говорящими темы высказывания и показывает своими синтаксическими позициями, имеющими отвлечённые семантические характеристики, роль того или иного участника.

Данная модель образовалась благодаря языковой прагматике: говорящие придают большую важность описанию динамики состояния объекта действия и игнорируют существование производителя действия. Темой становится имя пассивного участника, его роль в высказывании повышается до статуса предидируемого компонента, подлежащего. Предидирующий компонент оформляется как глагол общезовратного значения с постфиксом –ся.

Предложения находятся на периферии поля активных конструкций. Бинарная категория «субъект / объект» показывает большую палитру значений субъектности-объектности.

И.Б. Левонтина

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
О дискурсивных употреблениях дейктических слов (некоторые значения слова *это*)

Как известно, дейктические слова, исходная функция которых состоит в обеспечении референции, имеют немало нетривиальных дискурсивных значений и употреблений. Замечательны в этом отношении слова *там* и *тут*, *то* и *это*, *он* и особенно *вот* и т. д. Стоит отметить и любопытную дискурсивную частицу *себе*. В частности, среди разнообразных значений слова *это* есть чрезвычайно интересное значение, представленное в следующих примерах:

Иду это я третьего числа с женой Анфисой тихо, благородно, смотрю — стоит на берегу куча разного народа людей. [А. П. Чехов. Унтер Пришибеев (1885-1886)]

Сидит это он как-то летом один, скворца хромого пьяным хлебом кормит [Саша Черный. Солдатские сказки/ Штабс-капитанская сласть (1931)]

Это здесь – дискурсивная частица, энклитика. Она располагается обычно после глагола, причем сам глагол тяготеет к началу предложения или фрагмента, а предложение почти всегда с инверсией. Чаще всего с *это* сочетаются глаголы *идти, ехать, сидеть, лежать, прийти, приехать* и подобные.

Это маркирует либо экспозицию рассказа, либо в середине рассказа предупреждает, что сейчас будет сюжетный поворот (*вдруг, и тут, и вижу, гляжу*).

А. Б. Летуций

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» Нестандартные модели управления у русских глаголов с сентенциальным актантом

Многие русские глаголы способны присоединять в качестве актанта либо придаточное с союзом *чтобы*, либо инфинитив (см. РГ 1980): *Я хочу, чтобы пошёл дождь* vs. *Я хочу поехать в Китай*. Как показано в работе Avrutin, Babyonyshev1997, инфинитив употребляется при кореферентности подлежащего придаточного предложения одному из актантов главного. Иначе употребляется *чтобы*, хотя возможны варианты (ср. *Я хочу, чтобы я больше не болел*, где при кореферентности употребляется придаточное со *чтобы*).

Однако существуют глаголы, которые демонстрируют нестандартное распределение форм в контекстах кореферентности и некорреферентности. Примерами могут служить русские глаголы *добиться* и *следить*:

Контекст без кореферентности: *Он добился, чтобы его уважали; Он следил, чтобы все соблюдали правила безопасности*.

Контекст с кореферентностью: *Он добился того, чтобы стать директором / *Он добился стать директором; Он следил за тем, чтобы не превышать скорость / *Он следил не превышать скорость*.

Хотя в контексте без кореферентности данных глаголов также используется придаточное со *чтобы*, при кореферентности не употребляется ни инфинитив, ни *чтобы*. Обязательно употребление сочетания *то, чтобы*. Модели такого рода не только не описываются моделью Аврутина и Бабёнышев, но и нарушают тенденцию, описанную Т. Гивоном: при кореферентности актантов придаточное предложение в меньшей мере маркировано, чем без неё, и в меньшей мере автономно от главного.

Тем самым, оказывается, что правила употребления *чтобы* и инфинитива устроены по-разному. *Чтобы* при глаголах данного типа может употребляться по общему правилу: зависимая ситуация ирреальна, является целью субъекта – как показано Н.Р. Добрушиной (2012), это один из главных контекстов употребления актантов с *чтобы*. Напротив, инфинитив запрещён по другой причине: стандартно субъект зависимой клаузы при данных глаголах не совпадает с актантом главной клаузы. Тем самым, вариант ситуации с кореферентностью актантов в двух клаузах является неканоническим и маркируется не меньше, а больше, чем вариант без кореферентности.

В докладе мы рассмотрим другие случаи нарушения соотношения *чтобы* и инфинитива и покажем, что эти нарушения симптоматичны. Они показывают, что правила употребления *чтобы* и инфинитива в сентенциальных актантах несимметричны и не сводятся к кореферентности.

Е.А. Лютикова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Московский педагогический государственный университет

Стратегии оформления аргументов в русской номинализации и теория падежа

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02003, реализуемый в МПГУ)

Для русских событийных номинализаций обычно постулируется следующая модель падежного маркирования аргументов: (i) косвенно-падежное и предложно-падежное управление внутренним аргументом совпадает с таковым у глагольной основы; (ii) аргументы в структурных падежах (номинатив и аккузатив) перекодируются приименным генитивом; (iii) в случае, если в составе клаузы аргументы, проецируемые глагольной основой, получили бы два структурных падежа (что имеет место при прямопереходном глаголе), внутренний аргумент оформляется генитивом, а внешний — инструменталисом.

Обобщение (iii) обычно рассматривается как свидетельство «эргативной» или «пассивной» стратегии в оформлении аргументов номинализации (см. Падучева 1974, 1977; Comrie 1980; Koptjevskaja-Tamm 1993, 2013; Engelhardt, Trugman 1998; Alexiadou 2001 и др.), при которой S- и P-аргументы оформляются «немаркированным» падежом, а A-аргумент оформляется иначе: специальным падежом, зарезервированным для внешнего аргумента переходной конструкции, или выражается в качестве адьюнкта.

Однако в работах (Pereltsvaig 2015; Gerasimova, Lyutikova, Pereltsvaig 2016) были получены новые данные, которые ставят под сомнение универсальность предыдущих эмпирических обобщений, подвергавшихся теоретическому моделированию. В результате качественных и количественных исследований корпусных данных (НКРЯ), интернет-корпуса и лингвистического эксперимента (более 120 носителей русского языка) были обнаружены дополнительные модели падежного маркирования аргументов номинализаций. Выяснилось, что порядка 70% носителей русского языка допускают оформление творительным падежом не только внешнего аргумента переходных основ, но и внешнего аргумента неэргативов и двухместных непереходных основ.

В докладе предполагается показать, что две стратегии оформления аргументов событийных номинализаций в русском языке получают объяснение в рамках двух формальных моделей падежа. Традиционная стратегия, использующая творительный падеж только для внешних аргументов прямопереходных основ, хорошо описывается конфигурационной теорией А. Марантца (Marantz 1991), причем генитив оказывается немаркированным падежом, а инструменталис — «зависимым». Использование же творительного падежа для любых внешних аргументов может быть представлено как реализация ингерентного падежа внешнего аргумента, приписываемого агенту легким глаголом (Woolford 2006).

О.Н. Ляшевская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Орфографическая вариативность в древнерусском словоизменении: квантитативное корпусное исследование

Компьютерные технологии все чаще привлекаются к решению задач диахронической корпусной лингвистики, в частности, для морфологического и синтаксического анализа древнерусских текстов. Построение формальных статистических моделей, основанных на текстах этого исторического периода, однако, невозможно без учета орфографической вариативности.

Доклад посвящен квантитативному исследованию формообразования на материале памятников древнерусской письменности XI-XV вв., составляющих Древнерусский корпус НКРЯ. Корпус включает собственно древнерусские памятники; южнославянские тексты, переписанные на Руси и включающие восточнославянские лексические элементы; древнерусские переводы с греческого. Мы исходим, в частности, из следующих положений: – в формальной модели древнерусского словоизменения строится соответствие между формой, с одной стороны, и леммой и набором грамматических признаков, с другой;

- множество лемм и грамматических разборов (кортежей грамматических признаков) строится на основе ручной разметки корпуса, унифицированной и систематизированной для задач автоматического морфологического анализа;
- именные и глагольные формы представлены частью в оригинальной орфографии, которая перепроверялась при публикации памятников в корпусе, а частью — по научным публикациям источников;
- леммы представлены в унифицированной древнерусской орфографии, т.е. отражают состояние до падения и прояснения редуцированных [Мишина, Пичхадзе 2015];
- для усиления устойчивости разрабатываемого морфологического анализатора к качеству оцифрованных текстов на входе, в данной модели не используется дополнительная разметка о написании под титлом и над строкой (для выносных букв).

Исследуется гипотеза, что орфографическая вариативность в окончаниях отличается от орфографической вариативности в основе и носит морфологизованный характер.

Мишина Е.А.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

**Особенности употребления имперфективного аориста в ранних
древнерусских памятниках**

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02095),
предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Как известно, аорист употребляется в старославянском и древнерусском в качестве основного повествовательного времени для обозначения единичных событий в прошлом, не соотносимых с настоящим. Говоря о семантике славянского аориста, обычно отмечают его немаркированность и нейтральность в отношении характера протекания действия: аорист никак не указывает на то, было ли действие длительным или нет, что определяет такое свойство аориста как «фактичность» – чистое обозначение факта в прошлом. Потенциально аорист может образовываться от глаголов обоих видов. Однако в действительности в древнерусских (как и в старославянских) памятниках аорист преимущественно встречается от глаголов совершенного вида. Ясно, что при обозначении завершенных событий в прошлом семантические компоненты совершенного вида (фокусирование внимание на достижении действием своего внутреннего предела, ретроспективность, событийность и др.) хорошо сочетаются с семантикой аориста (обозначение события в прошлом).

В отличие от аористов от глаголов совершенного вида, аористы от глаголов несовершенного вида редки и, как правило, их употребление связано с разными контекстуальными ограничениями. В докладе речь пойдет об одном таком контекстно-обусловленном употреблении форм аориста, засвидетельствованном в древнерусских памятниках с глаголами, обозначающими состояния и пространственное положение тела. От данных глаголов формы аористов встречаются в том случае, когда в тексте есть эксплицитное указание на то, как долго длилось действие (*долго, много, весь день, малъ часъ, до замороза* и др.). Большинство подобных употреблений зафиксировано в древнерусских летописях, где такие аористы встречаются достаточно регулярно.

А.М. Молдован

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Грамматические архаизмы в списках «Слова о законе и благодати» Илариона

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02095),
предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Особенностью рукописной традиции «Слова о законе и благодати» Илариона является уникальная сохранность текста XI в. в основном списке полной редакции ГИМ, Син. 591, 2-я

пол. XV в. (С-591). Чтения этого списка оказываются более правильными практически во всех случаях расхождений с остальными списками, варианты которых отражают изменения в древнем тексте под влиянием лингвистических и иных факторов. Наряду с собственно текстологическими различиями (пропуски, вставки, перестановки слов и словосочетаний), в которых первичность чтений С-591 обнаруживается средствами филологической критики, об исключительности этого списка свидетельствуют многочисленные лингвистические данные в диапазоне от фонетики до синтаксиса (преобладание восточнославянской флексии -ѣ при основах мягкой разновидности в род. ед. и им.-вин. мн.; высокая степень сохранности нечленных прилагательных в атрибутивной функции и архаических форм их склонения; преобладание нестяженных форм имперфекта; последовательное сохранение причастий архаического типа; сохранение согласованных с определяемым словом форм причастий и др.). Уникальность списка обнаруживается в сохранении реликтовой формы местоимения къ 'кто' (2 р.), древнего наречия оу 'тогда' и др.

Г.А. Мольков

Институт лингвистических исследований РАН

Употребление частицы *было* в переводе “Метаморфоз” Овидия начала XVIII в. (по спискам РНБ Q.XVIII.4 и БАН П.І.Б.101)

В исследованном по двум спискам переводе «Метаморфоз» Овидия частица *было* используется в нескольких значениях:

- частица передаёт обычное в языке XVIII в. и известное современному русскому языку значение нарушения нормального хода ситуации
- привлекает внимание группа редких уже для русского языка XVIII в. употреблений частицы *было*, связанных с выражением таксисных отношений: в нескольких десятках примеров с её помощью передаётся предшествование действия другому действию в прошлом (иногда совмещённое с результирующим характером этого действия); в этой функции в нескольких случаях наблюдается согласование частицы, восходящей к глагольной форме, по родам и числам
- сравнение списков показывает, что частица *было* в таксисном употреблении устранялась при правке: список БАН, содержащий более ранний вариант текста, даёт больше примеров употребления *было* в этой функции
- употребление частицы *было* в редкой для русского языка XVIII в. функции, по-видимому, оказывается возможным под влиянием польского оригинала, с которого был сделан перевод

М.О. Новак

Казанский (Приволжский) федеральный университет

О формах имен существительных в Толстовском Апостоле XIV в. (РНБ, Q.п.І.5)

Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00213, «Древнерусские списки Апостола XII-XIV вв.: лингвистическое исследование и электронная публикация»)

В сообщении обсуждается употребление грамматических форм имен существительных в Толстовском Апостоле XIV в. (РНБ, Q.п.І.5, далее ТА). Рукопись изучается в рамках проекта по исследованию и электронной публикации древнерусских рукописей Апостола XII-XIV вв. Для аналитического описания памятника важна фиксация соотношения архаизмов и инноваций на различных уровнях текста. ТА представляет целый ряд языковых феноменов, заслуживающих внимания и касающихся различных грамматических категорий имени существительного.

1. Категория рода: архаичное согласование слова *старгышиина* с прилагательным по женскому роду при значении лица мужского пола – *имуще оубо старгышиину велику* (л. 45в), *ре(че) же старгышиина жречьска* (л. 66в), не отмеченное в исторической лексикографии.

2. Категория числа: употребление, наряду с дуальными формами, плюральных форм у существительных, обозначающих парные части тела: *предъ ногама* (л. 65б, 67г) vs. *предъ ногами* (л. 65в), *оутвердистеса ему плеснь и глезнове* ‘лодыжки, голени’ (л. 64а).

3. Падежные формы.

3.1. Сохранение архаичных форм консонантного склонения: *се есть камы* (л. 64г) vs. *каме(нь)* в Чудовском Новом Завете (л. 60г).

3.2. Сохранение архаичных форм *й-склонения: *въ с(ы)ну мьсто* (РП ед. ч., л. 67а).

3.3. Наличие *-ть* во флексиях существительных *s-склонения: *закономь телесъ х(ристо)ва* (РП ед. ч., л. 6а), *съ н(е)б(е)сѣ* (РП ед. ч., л. 63а), *телесъмь ихъ* (ДП мн. ч., л. 3б) и т.п., что можно объяснить фонетическими факторами и получить ключ к локализации списка.

Е.В. Падучева

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН
Снятая утвердительность и другие близкие понятия

Имеется несколько параметров пропозиции (предикации, ситуации), которым соответствует близкие наборы семантических различий: объективная модальность, (она может быть реальная, ирреальная, нейтральная), Истинностный статус (он может быть истина, ложь, безотносительность к истине), Веридиктальность. Контекст **снятой утвердительности** – это то же, что нейтральная модальность и то же, что неверидиктальный контекст: это контекст безотносительности к истине.

В докладе приводится ряд примеров, показывающих, что контекст снятой утвердительности может играть роль при описании тех или иных языковых явлений.

Пример 1. Местоимения на *-нибудь*. Перечень контекстов, лицензирующих местоимения на *-нибудь*, – это, предположительно, перечень всех контекстов снятой утвердительности. (Правда, ряда оговорок требует отрицание.)

Пример 2. Отрицание с широкой по Богуславскому (т.е. расширенной) сферой действия, допустимо без ограничений в контексте снятой утвердительности.

Пример 3. Нестандартное отрицание в примерах типа (1):

(1) Откусила, подставив снизу ладонку лодочкой, чтобы чего-нибудь не уронить.

В них местоимение на *-нибудь* находится в сфере действия отрицания, но не подвергается обязательной замене на отрицательное – что объясняется контекстом снятой утвердительности.

Пример 4. В обычном условном предложении в придаточном должна быть нейтральная модальность, безотносительность к истине, снятая утвердительность. То же во многих других типах сложноподчиненных предложений.

Пример 5. Прямой объект глагола СВ *выбрать* обозначает Результат выбора только при утвердительной (реальной) модальности предложения. В контексте снятой утвердительности прямое дополнение обозначает Множество выбора, как и при НСВ актуально-длительном.

Впервые истина проникла в лингвистику с понятием пресуппозиции. Истинностный статус – это еще один аспект семантики языковых единиц, где истинность оказывается релевантна.

Т.В. Пентковская

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
**Московские библейские переводы с польского конца XVII
морфология и синтаксис**

Во второй половине XVII в. в Москве появляются библейские переводы (книга Иова 1671 г. в переводе иеромонаха Моисея, Псалтырь А. Фирсова 1683 г., а также Новый Завет

книжного круга Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского – НЗЕ), полностью или частично (НЗЕ) основанные на польских источниках. Переводы книги Иова и НЗЕ объединяет не только тип языка («ученый» церковнославянский), но и принадлежность их авторов к одному переводческому кругу, что проявляется в общности переводческих приемов применительно к различным уровням языковой системы. С этими переводами тесно связано «Слово о милости», считавшееся до сих пор оригинальным текстом, которое является переводом (с некоторыми изменениями идеологического характера) проповеди Петра Скарги (1536 – 1612), составленной в период деятельности основанного им Братства Милосердия (эта проповедь находится в сборнике «Bractwo Miłosierdzia w Krakowie V S.Barbary, 1584»). Перевод «Слова» принадлежащий, по всей вероятности, Епифанию Славинецкому, был обработан его учеником и коллегой Евфимием Чудовским. Три текста противопоставлены в лингвистическом отношении Псалтыри А. Фирсова, язык которой характеризуется как гибридный (упрощенный) церковнославянский. В докладе будут рассмотрены грамматические параметры названных переводов, в частности, формы глаголов прош. вр. с дополнительной связкой, средства связи придаточных предложений, инфинитивные конструкции.

П.В. Петрухин

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Конструкция ‘*быти* с причастием настоящего времени’ в памятниках борисоглебского цикла

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В докладе будет представлен сравнительный анализ употребления конструкции ‘*быти* с причастием настоящего времени’ (*баше хода*) в ряде памятников борисоглебского цикла – прежде всего, Сказании о Борисе и Глебе (Успенский сборник XII—XIII вв.) и «Чтении о житии и о погублении блаженую страстотерпца Бориса и Глеба» (Сильвестровский сборник XIV в.). В Чтении рассматриваемая конструкция используется значительно чаще, чем в Сказании, причем в ряде параллельных мест, на фоне почти дословного совпадения, в первом памятнике причастная конструкция представлена, а во втором – нет. Поскольку, как принято считать, оба текста восходят к одному источнику, в этих различиях можно видеть результат целенаправленного редактирования. По широте использования конструкции типа *баше хода* Чтение напоминает Житие Феодосия Печерского, что очевидным образом не случайно: оба текста принадлежат перу монаха Печерского монастыря Нестора. Тем самым интенсивное использование конструкции оказывается яркой особенностью индивидуального стиля этого книжника. Данное обстоятельство – в силу большого значения произведений Нестора для развития летописной и агиографической традиций Древней Руси – очевидно, в определенной степени повлияло на дальнейшую судьбу сочетания *быти* с причастием настоящего времени в древнерусском книжном языке.

А.А. Пичхадзе

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Об атрибутивном vs. предикативном употреблении причастий в древнерусском

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

В докладе будут рассмотрены позиции, в которых причастие в нечленной форме более или менее регулярно употребляется в именительном падеже при кореферентном субъекте, выраженном косвенным падежом. Вполне последовательно такое употребление

наблюдается в древнерусских оригинальных текстах уже с древнейшего периода в инфинитивных конструкциях с субъектом в дательном падеже (часто эллиптированным). Аналогичное явление фиксируется уже в старославянских памятниках, особенно часто – в Саввиной книге (*повельь воиномъ своимъ шьдьше... решти, подоба ми юсть съдѣти мльчаите* и под.), а также в древнечешских памятниках. Поскольку в греческом полное согласование причастия с субъектом обязательно, в рассогласовании субъекта и причастия нужно видеть специфическую особенность славянского синтаксиса. Учитывая, что эта особенность свойственна как старославянским, так и древнерусским и древнечешским памятникам, можно предположить, что она возникла еще в праславянскую эпоху как способ маркирования предикативного (приглагольного) причастия.

Довольно часто, особенно в позднерусский период (например в Лаврентьевской летописи), причастие в именительном падеже встречается в дательном самостоятельном. Представляется, что такие случаи нужно рассматривать не как банальные ошибки в книжной конструкции, а как проявление той же тенденции к маркированию предикативного причастия именительным падежом – тем более, что аналогом славянского абсолютного причастного оборота с дательным падежом субъекта и именительным падежом причастия в известной степени является литовский обстоятельственный оборот с субъектом, оформленным дательным падежом и неизменяемым причастием. Возможно, та же тенденция проявляется и в случаях, когда причастие стоит в именительном падеже в конструкции «винительный с причастием» - для этого явления также имеются аналоги в литовском.

А. В. Подобряев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Московский педагогический государственный университет

Семантическое связывание местоимений 1 и 2 лица в русском языке

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02003, реализуемый в МПГУ)

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 16-18-02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка»

Случаи семантического связывания личных местоимений 1 и 2 л. (т.е. интерпретации местоимений как связанных переменных), впервые засвидетельствованные в работе [Partee 1989], получили широкое освещение в теоретической литературе. Основной вопрос, занимающий исследователей, касается признаков лица связанных местоимений: имеют они собственное семантическое наполнение или наследуются от антецедента в результате некой синтаксической операции.

В настоящем докладе предпринимается попытка осветить вопрос семантического связывания местоимений 1 и 2 лица на материале русского языка. Данные русского языка позволяют поставить под сомнение некоторые предложенные в литературе и претендующие на универсальность механизмы семантического связывания. В частности оказывается, что ограничения на локальность связывания, которые приводились как аргумент в пользу синтаксической операции передачи признаков лица ([Kratzer 1998, 2009]), в русском языке не действуют (ср. возможность семантического связывания местоимения в составе относительного предложения в (1) *Из всех нас только я_i смог купить на распродаже что-то, что бы могло понравиться моим_i родителям*), а существующие запреты следует объяснять в других терминах.

Kratzer, A. 1998. More structural analogies between pronouns and tenses // *Proceedings of SALT VIII*, 92-109. Ithaca: Cornell University.

Kratzer, A. 2009. Making a pronoun: Fake indexicals as windows into the properties of pronouns. *Linguistic Inquiry* 40:187-237.

Partee, B. 1989. Binding implicit variables in quantified contexts // *Papers from the 25th Regional Meeting of the CLS*, 342-365. Chicago: University of Chicago.

А.В. Птенцова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Конструкции со значением приблизительного количества в древнерусском языке XI-XIV вв.

В докладе на основании данных исторического подкорпуса Национального корпуса русского языка рассматривается синтаксис и семантика древнерусских конструкций, ставших базой для современной аппроксимативно-количественной конструкции типа *человек сто*.

Наиболее распространенной разновидностью этой конструкции служит для указанного периода сочетание вида *съ + ЧИСЛ (ВИН) + СУЩ (РОД)* или с инверсией *СУЩ (РОД) + съ + ЧИСЛ (ВИН)*: <...> *а водає и бога дьлаа съ ·ѣ· гривь(нѣ)* (б.г. № 296, 1180-1200); *си же оутанвшеа ѿ рати и ѣхаша на село члѣкѣ съ тритьчатѣ* (Волынская лет., л. 294 об., 1282 г.)

Очень редким и архаичным, но наиболее интересным приемом выражения приблизительности является включение в соответствующую конструкцию глагольного элемента *нѣ* (зафиксированного только в Новг. I лет. по Синод. сп.): *имаша на нихъ нѣ съ полуторы тысяце грѣнѣ и даша коупцемъ кроутитиса на воиню* (Новг. I, 18 об., 1137 г.); этот элемент фиксируется также в сочетаниях вида *нѣ + о + СУЩ (МЕСТ)* и *нѣ + в + СУЩ (МЕСТ)*. Конструкции с *нѣ*, видимо, передают значение 'Количество объектов X примерно равно Y-у, но немного не достигает Y-а'.

Полезно отметить семантическую близость конструкций с *нѣ* к аналогичным латинским выражениям вида *ad* ('к') / *cirticer* ('около') + ЧИСЛ, где *cirticer* идеально соответствует предлогу *о*, а *ad*, указывающий на приближение к некоторой количественной границе, но в то же время на недостижение ее, хорошо соотносится именно с сочетаниями *нѣ съ / о / въ + ЧИСЛ* в предполагаемом значении. Кроме названных способов передачи аппроксимативно-количественного значения, в Корпусе фиксируется также сочетание вида *любо + въ + ЧИСЛ (ВИН)* и так называемая кратная конструкция вида *по + ЧИСЛ (ВИН)* - *по три по четыре*.

О.Г. Ровнова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

**Диалектные средства связи в сложном предложении
(на материале говора старообрядцев Южной Америки)**

Доклад подготовлен в рамках проекта «Старообрядцы Латинской Америки: исследование языка и экономики», поддержанного грантом РФФИ № 14-04-00380

Современный говор старообрядцев Южной Америки является акающим среднерусским, имеющим севернорусскую основу, и восходит к акающему говору нижегородских старообрядцев-кержаков. Сформировавшийся в результате миграций, вобравший черты южнорусских говоров, адаптировавший лексику испанского и португальского языков и не знавший влияния русского литературного языка, – он сохраняет многие архаичные черты на всех языковых уровнях.

Обращение к изучению синтаксиса говора показало, что в строе простого и сложного предложения, с одной стороны, сохраняются особенности древнерусского синтаксиса, с другой – отмечаются явления, которые можно назвать диалектными новообразованиями. В докладе рассматривается образование и функционирование нескольких диалектных средств связи в сложном предложении. Это: условные союзы *ежлив*, *еслив*, *эли* и их фонетические варианты; союз цели *чтобыть*; сопоставительный союз *чем ни ... тем*; сочетание местоимения и частицы *что же* для присоединения придаточного изъяснительного, а также

одиночный союз *то*, выполняющий в разных конструкциях функции и подчинительного, и сочинительного средства.

Источником диалектного материала послужили экспедиционные записи, сделанные мной в старообрядческих поселениях Аргентины, Боливии, Бразилии, Уругвая, и текст книги «Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева» (М., Альпина нон-фикшн, 2014), принадлежащей автору-старообрядцу из Аргентины.

С.С. Сай

Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-петербургский государственный университет

Использование граммем времени в финитных сентенциальных актантах в русском языке

В составе зависимых клауз граммемы времени могут использоваться в качестве первичных дейктиков (точка отсчета — момент речи, как в независимых клаузах, «абсолютное время») или вторичных дейктиков (точка отсчета — время события, выраженного в главной клаузе, «относительное время»). В отличие от русских придаточных обстоятельственных, где граммемы времени почти всегда используются абсолютно (ср. *мы переехали в Москву, когда я учился в седьмом классе*), в составе сентенциальных актантов (придаточных изъяснительных) выбор граммемы времени подчиняется сложным правилам. Так, отмечалось, что в сентенциальных актантах ментальных и речевых предикатов время используется как вторичный дейктик (ср. *я знал / сказал, что она скоро уедет*), а в сентенциальных актантах имплицативных глаголов — как первичный (*случалось, что она читала мне строки из Ваших писем*) [Schlenker 2003: 71]. Существуют, однако, и контексты, в которых возможны оба типа употреблений граммем времени; например, одно и то же положение вещей может быть выражено конкурирующими конструкциями типа *я видел, как она уходила / уходит*. Применительно к глаголам восприятия такая вариативность была подробно рассмотрена А. Барентсеном [Barentsen 1995]. Он показал на небольшом по объему корпусном материале, что выбор интерпретации зависит от ряда факторов, которые он предложил свести к единому макрофактору — к степени «доступности» события говорящему: чем она выше, тем более вероятен первичный дейксис [Barentsen 1995]. Такое объяснение в принципе хорошо согласуется с тем фактом, что глаголы восприятия занимают по изучаемому параметру положение между имплицативными глаголами типа *случаться* (почти исключительно первичные употребления граммем времени в зависимых финитных клаузах) и, например, глаголами речи типа *сказать* (почти исключительно вторичные употребления).

Используя обширные данные НКРЯ, которые до сих пор не привлекались в полной мере при изучении обозначенной проблемы, я планирую уточнить некоторые обобщения, предлагавшиеся в литературе. В частности, в докладе будет показано, каким образом на выбор типа временного дейксиса влияют такие факторы, как выбор союза (*что, как, когда*) и само его наличие / отсутствие; порядок слов; временная референция матричного предиката. Особенное внимание будет уделено тому, что семантический класс матричного предиката не позволяет однозначно предсказать дейктические свойства граммем времени в зависимой предикации: в рамках некоторых семантических классов конкретные матричные предикаты могут вести себя по-разному. Так, например, при имплицативном глаголе *оказаться* граммемы времени почти всегда используются как вторичный дейктик (*оказалось, что он сидит в углу*), а при эмотивном глаголе *нравиться* могут использоваться как первичный дейктик (*ему нравилось, когда она пела*). В целом рассмотренные данные позволяют сделать вывод о том, что конструкции, допускающие независимую временную референцию сентенциальных актантов, тяготеют к относительной интерпретации времени в зависимой клаузе (см. примеры на *знать, сказать, оказаться* выше), а конструкции с фиксированной

временной интерпретацией — к абсолютной (ср. примеры на *видеть, как и нравиться, когда* выше). Другими словами, граммы времени используются как вторичный дейктик тогда, когда это создает смысловозначительный потенциал (*Он сказал, что она жила≠живет≠будет жить в Москве*). В случае фиксированной временной референции сентенциального актанта смысловозначительный потенциал граммы времени отсутствует и фактически такая грамма дублирует граммы времени в главной клаузе. Такое дублирование можно сопоставить с явлениями редукции финитности в зависимых клаузах (субьюнктивных и инфинитивных).

Д.Н. Сатюкова

Институт лингвистических исследований РАН

Семантические особенности рядов прилагательных с союзом *но* в современном русском языке

В большинстве работ, описывающих семантику союза *но*, анализируется использование этого служебного слова для связи нескольких предложений. Между тем употребление *но* для соединения однородных членов (в нашем случае однородных прилагательных) имеет свои специфические черты.

Доклад посвящен описанию особенностей рядов прилагательных с противительным союзом *но* в современном русском языке. В основе описания лежит сопоставление двух типов адъективных рядов с *но*: в обоих из них перед союзом *но* употреблены как минимум два однородных прилагательных, однако в первом типе они соединены союзом, см. пример (1):

(1) *Второго сентября день был **теплый и тихий, но пасмурный***. [А. П. Чехов. Попрыгунья (1892)],

а во втором связь между ними бессоюзная (в качестве формального признака такой связи признается наличие запятой между однородными определениями), см. пример (2):

(2) *Хозяйка произвела на меня впечатление **доброй, милой, но недалекой** женщины*. [К. М. Станюкович. Похождения одного благонамеренного молодого человека, рассказанные им самим (1879)]

Весь материал заимствован из подкорпуса художественных текстов Национального корпуса русского языка; рассматривались только полные формы прилагательных положительной степени (без учета степеней сравнения).

В докладе описываются как формальные черты рассматриваемых адъективных рядов (количество членов до союза *но* и после него, тип первого союзного элемента в предложениях вида (1)), так и их семантическая организация (признаки, по которым прилагательные в ряду противопоставляются друг другу, лексические классы прилагательных, участвующих в противопоставлении).

Н.В. Сердобольская

Российский государственный гуманитарный университет

Московский педагогический государственный университет

Явления синтаксической неподчинимости в актантных предложениях при глаголе *думать*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02003, реализуемый в МПГУ)

Глагол *думать* в русском языке может присоединять бессоюзные актантные предложения со значением мнения (*думать* 2.1; синонимы: *считать, полагать*, в отличие от *думать* 1; синоним: *размышлять* [Апресян 2015]), например *А я думал, ты и не пьешь **вовсе***. [Владислав Граковский. Последнее испытание, или спасти королеву – убить королеву. 2015]. Такие конструкции интересны тем, что семантически клауза с глаголом *думать* вводит зависимую клаузу, т.к. последняя заполняет валентность содержания ментального

глагола; однако с точки зрения морфосинтаксиса зависимая клауза практически не демонстрирует свойств подчинения. Наоборот, ограничения налагаются на состав матричной клаузы – в частности, она не может содержать отрицание [Падучева 1996]. Эта формальная независимость двух клауз отражается на их функциональной нагрузке: обе они вводят ассерцию и являются коммуникативно значимыми (в частности, могут входить в состав нарративной цепочки). Встает вопрос, верно ли, что обе клаузы в полной мере обладают свойствами независимого предложения. Для ответа на данный вопрос мы применяем тесты синтаксической неподчинимости [Green 1976], ср. [Падучева 1990, Кобозева 1999] относительно русского языка. Мы покажем, что в бессоюзных актантных предложениях с глаголом *думать* обе части могут содержать средства синтаксической неподчинимости. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что в данных конструкциях имеется две ассерции, и обе клаузы являются в равной мере коммуникативно значимыми. Такое равноправие на дискурсивном уровне отражается на морфосинтаксических свойствах предикатов обеих клауз и выражается отсутствием союза.

Д. В. Сичинава

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

«Шумим, братец, шумим»: двусложные энклитики в истории русского стиха

Важный сюжет в истории русского ударения представляет переход в статус энклитики более чем односложных словоформ (в частности, вводных слов и обращений). В существующей литературе внимание этой проблематике уделялось в основном в связи с творчеством Грибоедова (вообще, как известно, чрезвычайно интересном акцентологически). Например, слово *братец* в одном из многочисленных вошедших в поговорку пассажи «Горя от ума»: *Шумим, братец, шумим* (действие IV, стих 119) — ударения не несет. Другая безударная энклитика — *мосье*; особый интерес представляет слово *сударь*, у которого с акцентологической точки зрения возможны два ударения (причем ударение на втором слоге исторически старше), а в стихе представлены сильные места как на первом, так и на втором слоге. С нашей точки зрения, сильное место на втором слоге слова *сударь* не обязательно говорит об ударении на этом слоге, но может быть свидетельством энклитического статуса словоформы в целом; такой вариант появляется в контексте повышения темпа и усиления эмоциональной окраски речи (*Да, сударь, да, сударь, я говорю вам: да!* — "Притворная неверность" Грибоедова и Жандра). В качестве материала привлечены диалогические стихотворные тексты XIX в., в которых представлено вариативное ритмическое оформление этой словоформы.

Интересный материал по истории русских энклитических двусложных слов находится в поэтическом корпусе также для слов *Боже* (*вы не знаете, и дай Боже не знать* у Мерзлякова, *Какая грусть. Боже, какая грусть!* у Моравской), *значит* (*Говорил, значит, с тобою* у Ап. Григорьева, *Прихожу, значит, к нему* у Случевского), *право, видно, словом, поди* (в современных текстах), частицы *разве* (за исключением одного примера у Радищева, все из XX в.), сочетания *то есть* (вопрос включает в себя приобретение энклитического статуса как словоформой *есть*, так и речением в целом). Энклитизация двузначных слов отмечается в текстах, где стилизуется непринужденная устная речь; хронология энклитизации в стихе отражает аналогичные процессы в языке.

Е.Г. Сосновцева

Институт лингвистических исследований РАН

«Бывает+страдательное причастие»: семантика конструкции и ее употребление в памятниках русской агиографии

В докладе рассматриваются конструкции «бывает(ют)» + страдательное причастие», например: *Таже посылаемъ бываетъ в поварню, и тамо болми подвизаяся на невидимы врагы ополчашеся* (Житие Антония Сийского).

Данное сочетание встречается как в древнейших житиях (таких, как Житие Феодосия Печерского), так и старообрядческих памятниках XVIII в. Регулярность употребления поддерживается включением конструкции в ряд житийных топосов. Описаны случаи употребления исследуемого сочетания для обозначения повторяющихся действий различной степени обобщенности.

Помимо высказываний с итеративной семантикой, обнаружены единичные употребления конструкции для обозначения однократных действий в прошлом: *И великим князем от владыки ростовскаго святаго Кирилла архиепископа благословен и именуем бывает* (Житие Романа Угличского). Такие случаи немногочисленны, но также встречаются в текстах разного времени и характеризуются закрепленностью за определенными композиционными фрагментами житий.

Основной материал почерпнут из текстов русских житий XVI–XVIII вв. (часть данных получена из Санкт-Петербургского корпуса агиографических текстов, <http://project.phil.spbu.ru/scat/page.php?page=list>).

Н.М. Стойнова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
**Конструкция (не) *стать* + инфинитив: корпусные свидетельства
микродиахронических изменений**

На материале НКРЯ (ruscorpora.ru) будут рассмотрены особенности употребления сочетания «*стать* + инфинитив» под отрицанием в текстах с XVIII по XXI в. Начинательные значения (к которым относят и значение *стать*) часто трактуют как неэлементарное и содержащее отрицание: а) ‘не-V в момент t0’ & б) ‘V в момент t1’. Интересно, что происходит при применении к нему отрицательного оператора. Логически возможно два варианта, и оба семантически проблемны. 1) Компонент а) в пресуппозиции: а) ‘не-V в момент t0’, & б) ‘НЕ [V в момент t1]’ (как в *вишни не начали цвести / не зацвели*). Это значение избыточно и требует особого прагматического контекста (*наступил май, но...*). 2) Оба компонента в асерции: а) ‘НЕ [не-V в момент t0]’, & б) ‘НЕ [V в момент t1]’ = V в момент t0 & б) не-V в момент t1, т.е. – менее ожидаемое – значение прекращения действия. Конструкция со *стать* примечательна тем, что она (в отличие от *начать* + инф. и *за-*) в разной степени и в разных модификациях реализует оба значения – и их сосуществование, развитие и угасание можно проследить на небольшом и самом близком временном срезе. На основе значения 1 *стать* развивает особое употребление «осознанного выбора» ≈ ‘решил не делать’ (см., например, [Зализняк, Шмелев 2002: 219]; [Храковский 1987: 165–166] и особенно [Короткова, Сай 2006]), и эта реинтерпретация обеспечивает неожиданную частотность *стать* под отрицанием, несвойственную *начать*. Процент употреблений *стал* + инф. под отрицанием нестабилен: он падает в XVIII в. и снова растет со 2-й пол. XX в. (диахроническая картина для будущего времени совершенно иная, это связано с тем, что *станет* + инф. активно конкурирует с формой аналитического будущего). Доля употреблений в значении свободного выбора от всех употреблений *не стал* + инф. под отрицанием высока и растет на протяжении всего рассматриваемого периода – особенно с сер. XIX в. (от 78% до 97%). В немногочисленных прочих – *не стать* синонимично *не начать* (знач. 1) или *перестать* (знач. 2). Значение *перестать*, возможно, возникает как рудимент механизма подъема отрицания (*не стать* V = ‘стать не-V’), активно действовавшего, по свидетельству [Зализняк, Падучева 2013], в целом ряде инфинитивных конструкций в древнерусском.

Зализняк А.А., Падучева Е.В. Об инициальном отрицании // Падучева Е.В. Русское отрицательное предложение. М. 2013.

Зализняк Анна А., Шмелёв А.Д. Семантика ‘начала’ с аспектологической точки зрения // Арутюнова Н.Д. (Ред.) Логический анализ языка: Семантика начала и конца. М.: Индрик. 2002. С. 211–224.

Короткова Н.А., Сай С.С. Глагол *стать* в русском языке: семантика, синтаксис, грамматикализация // III Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб. 2006.

Храковский В.С. Семантика фазовости и средства ее выражения // Бондарко А.В. (Ред.) Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л. 1987.

С.Г. Татевосов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Московский педагогический государственный университет

Как да и нет: существует ли в русском языке эксплетивное отрицание

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02003, реализуемый в МПГУ)

В докладе предлагаются наброски к анализу нескольких конструкций в русском языке, в которых наличие отрицания не оказывает видимого воздействия на условия истинности предложения. Это верно, в частности, для сентенциальных сирконстантов с союзом *пока* (см., среди многих других Iordanskaja, Mel'čuk 2009, Бартенсен 2014, Падучева 2015), иллюстрируемых в (1)-(2), а также для конструкций с *как* в (3)-(4).

(1) Организм же не автомат: включил-выключил. Пока он придет в норму, пройдет несколько часов [sovet.kidstaff.com.ua].

(2) Давайте я его в комнату отведу. И побуду рядом, пока он не придет в норму [yaoi-club.flydes.ru].

(3) Завтра будет двадцать три года, как я виделся с Лениным.

(4) Завтра будет двадцать три года, как я не виделся с Лениным.

Некоторые исследователи, в частности, Л.Н. Иорданская и И.А. Мельчук, говорят, что отрицание в таких примерах имеет эксплетивный характер и не интерпретируется. Мы утверждаем обратное: значение *пока*- и *как*- предложений с отрицанием и без полностью композиционально, и отрицание имеет в них регулярную интерпретацию. Как (1)-(2), так и (3)-(4) сообщают об одном и том же интервале, но **описывают** его разными способами. Например, (4) подает его как интервал длительностью двадцать три года с правой границей 'завтра', в течение которого **не было ни одного события** вида 'говорящий встречался с Лениным'. (3) говорит о минимальном интервале, отделяющем завтра от **ближайшего наличного события** в прошлом вида 'говорящий встречается с Лениным'. В более формальных терминах:

(5) $\lambda t. |t| = 23 \text{ года} \wedge RB(t) = \text{завтра} \wedge \forall t' \exists e [\text{встреча}(\text{Ленин})(\Gamma)(e) \wedge t' = \tau(e) \rightarrow \neg t' \subseteq t]$

(6) $\lambda t. |t| = 23 \text{ года} \wedge RB(t) = \text{завтра} \wedge \forall t' [t' \subseteq t \rightarrow \neg \exists e [\text{встреча}(\text{Ленин})(\Gamma)(e) \wedge t' = \tau(e)]]$

Предикаты в (5)-(6) имеют одинаковый экстенционал, поскольку сводятся к логической эквивалентности в (7):

(7) $P \rightarrow \neg Q \equiv \neg P \vee \neg Q \equiv Q \rightarrow \neg P$

Как кажется, (7) дает исчерпывающее объяснение видимой синонимичности предложений типа (1)-(2) и (3)-(4) и указывает действительную роль отрицания в обеих конструкциях.

Я.Г. Тестелец

Институт языкознания РАН

Российский государственный гуманитарный университет

Проблема классификации эллиптических конструкций в русском языке

С тех пор, как было установлено, что правила, устраняющие контекстную избыточность в английском языке, оперируют грамматическими единицами, а не относятся, например, к риторике (Chomsky 1957; Gleitman 1965; Ross 1969 и др.), достигнут значительный прогресс в изучении эллипсиса. Однако материал русского и других славянских языков до сих пор почти не учитывался в этих исследованиях. Результаты более или менее формализованного описания эллиптических явлений в русском языке (Леонтьева 1965; Падучева 1974; Саввина 1988; Казенин 2007, 2011; McShane 2005), так же как и

исследований, использующих традиционные походы (Сковородников 1978; Ширяев 1984; Грудева 2007 и нек. др.) пока не складываются в единую картину. В отличие от германских языков, эллипсис в русском языке не подразделяется на несколько четко различимых явлений типа сокращения левой или правой периферии, гэппинга, эллипсиса глагольной группы и и.д. После отделения особых случаев — N'-эллипсиса, или «эллипсиса с сохранением представителя» в именной группе по Е.В. Падучевой, слусинга, сравнительного сокращения и, возможно, фрагментирования, остается основная группа эллиптических явлений, плохо поддающаяся разделению на типы. Предлагается предварительная классификация в свете общей теории эллипсиса. Особую трудность представляет разброс в оценках приемлемости и зависимость используемых признаков, например, идентичности антецедента и мишени, от стиля, регистра и т.п. факторов.

Е.В. Урысон

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Актантная структура союза ХОТЯ: словарь vs. текст

Объект исследования – уступительный союз ХОТЯ в его основном значении, ср. *Хотя было холодно (P), мы пошли гулять (Q)*. Общепризнано, что подобное сложноподчиненное предложение описывает положение дел, когда имеют место две ситуации – P и Q. При этом союз ХОТЯ выражает пресуппозицию ‘обычно ситуация типа P препятствует существованию ситуации типа Q’. Рассуждая логически, если ситуация Q имеет место при наличии препятствия P, то значит, существует некая третья ситуация – фактор R, который влияет на положение дел сильнее, чем P, и благодаря которому Q имеет место. Эта точка зрения неоднократно высказывалась в русистике. Из данного рассуждения следует, что уступительный союз ХОТЯ является предикатом с тремя семантическими актантами. В работе сделана попытка обосновать правомерность этой гипотезы. Предполагается сравнить союз ХОТЯ с близким ему по значению союзом НО (ср. *Было холодно, но мы пошли гулять. Ведь это был наш последний день на море vs. Было холодно, но это был наш последний день на море. И мы пошли гулять*). Демонстрируется, что союз НО является предикатом с тремя семантическими актантами. Три семантическими актантами обладают и некоторые другие слова с уступительной семантикой: *все-таки* и *как-никак* (В.Ю. Апресян, Е.В. Падучева). Будет показано, что по аналогии с этими словами союз *хотя* окказионально выступает как предикат с тремя семантическими актантами.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (проект № 16-04-00302).

Рональд Ф. Фельдштейн (Ronald F. Feldstein)

Университет Индианы, США

Русские уступительные / противительные конструкции с повторами местоимений типа «Уж чем-чем, а этим его не удивишь»

Тема доклада — конструкция, содержащая повтор местоимения или предложной группы с местоимением в первой части и утверждение без повтора во второй части. Первая часть выражает сомнение говорящего по поводу возможности реализации некоторого множества ситуаций, а вторая часть выражает уверенность в правоте утверждения по поводу возможности реализации конкретной ситуации. Этот вопрос мало исследован в научной литературе (из основных работ можно упомянуть работы Н.Ю. Шведовой и А.В. Величко, которые обсуждаются в докладе). Контраст между значением двух частей конструкции наводит на мысль об эвиденциальности: в первой части говорящий не ручается за достоверность сказанного. Н.Ю. Шведова считает, что повтор означает ‘может быть’. А вторая часть совершенно противоположна по значению и часто содержит слова типа *точно*,

подчеркивающие уверенность. Другими словами, первая часть описывает незасвидетельствованное действие, а вторая часть – наоборот. Доклад вводит морфологическую классификацию возможных парадигм конструкции. Повтору подлежат местоимения разных типов: местоимённое существительное, прилагательное, числительное, наречие. Однако не все клетки парадигмы заполнены, что показано в таблицах. Повторы местоимённых существительных возможны во всех падежах, конструкции с другими типами местоимений более ограничены. Причинные местоимённые наречия, в отличие от временных и пространственных, не удваиваются (**Уж почему-почему, а...*). В будущем хотелось бы установить возможные парадигмы данных конструкций с повторами, предварительная оценка которых представлена в докладе.

М. А. Холодилова

Санкт-петербургский государственный университет
Словоизменительная одушевленность местоимения *который*

В современном русском языке и в недавней языковой истории фиксируются случаи, в которых грамматическая одушевленность местоимения *который* не совпадает с грамматической одушевленностью антецедента и не может быть объяснена семантическим согласованием.

Во-первых, как отмечается в [Русакова 2013], при существительном *животное* наблюдается вариативность в маркировании по одушевленности относительного местоимения в единственном числе. То же верно для многих других существительных среднего рода, реферирующих к одушевленным объектам, в то время как сами эти существительные в единственном числе одушевленного маркирования, как правило, не получают (о редких отклонениях см. [Ицкович 1980: 88]).

Во-вторых, относительное местоимение *который* отмечается до XIX века и в меньшей степени современном языке в одушевленной форме при собирательных существительных мужского рода, таких как *народ, этнос, свет* (см. о таких примерах [Грищенко 2011: 65]). Данные НКРЯ (Национальный корпус русского языка, www.ruscorpora.ru) показывают, что такое маркирование значительно более распространено, чем одушевленное склонение самих этих существительных.

Существенно, что в обоих случаях затруднена трактовка одушевленного маркирования как случая семантического согласования. Так, при семантическом согласовании с существительным *народ* ожидалась бы одушевленная форма множественного числа при наблюдаемом единственном. При одушевленном маркировании местоимения при вершине среднего рода одушевленная форма наблюдается и в том случае, когда референт является существом женского пола, ср. невозможность в подобном контексте личного местоимения *он*:

(1) *Она [собака] – единственное существо, которого не волнует, какую отметку принес мальчишка из школы!* (Яндекс)

(2) {*Она [собака] – единственное такое существо_i.*} *Она* / **он_i...*

Предположительно, наблюдаемые факты объясняются высоким положением местоимений на в расширенной иерархии одушевленности, восходящей к [Silverstein 1976]. В то же время близкие свойства, связанные с морфологически одушевленным маркированием при неодушевленности антецедента, значительно более характерны для личных местоимений. Исходя из этого можно предположить, что относительные местоимения представляют собой промежуточное звено расширенной иерархии одушевленности между личными местоимениями и существительными.

Грищенко А. А. Ономастический статус этнонимов и категория одушевленности/неодушевленности // Русский язык в школе, № 9, 2011: 61–67.

Ицкович В. А. Существительные одушевленные и неодушевленные в современном русском языке (норма и тенденция) // Вопросы языкознания 4, 1980: 84–96.

Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity // Dixon R. M. W. (ed.). Grammatical Categories in Australian Languages. New-York: Humanities press, 1976: 112–171.

А.В. Циммерлинг

Институт языкознания РАН

Московский педагогический государственный университет, ИСЛИ МПГУ

Предикативы параметризуемого признака в русском языке

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02003, реализуемый в МПГУ)

Доклад посвящен грамматике русских предикативов, имеющих валентность на дат.п. лица и одновременно обозначающих параметризуемые свойства внешней ситуации и интенциональное состояние, квантифицируемое по одушевленному субъекту: ср. *X-у тяжело/легко носить сумку, X-у светло/темно*. Многие предикативы данного тематического класса имеют нетривиальные синтаксические и семантические свойства. Так, предикативы *ПО КОЛЕНА, ПО ПОЯС, ПО ГРУДЬ, ПО ШЕЮ*, обозначающие глубину погружения *X-ав* жидкостную или сыпучую среду (вода, снег, песок, т.п.), не допускают выражения облигаторного семантического актанта *Y* 'вещественная среда' беспредложным дополнением в дативно-предикативной структуре (ДПС): **Кате было по пояс₁ воды в ручье, *Кате было по пояс₁ ручья*. В параллельно употребляемой дативно-номинативной структуре (ДНС), где *Y* занимает позицию подлежащего, это ограничение отсутствует: *Ручей был взрослым по пояс, а детям по шею*. Такое распределение позволяет считать предикаты типа *ПО ПОЯС₁*, ориентированные на конструкцию ДПС, и предикаты типа *ПО ПОЯС₂*, ориентированные на конструкцию ДНС и принимающие подлежащие в имен.п., синтаксическими омонимами. Ограничение на визуализацию дополнений характерно и для нескольких деадъективных предикативов. Так, предикативы *X-у МАЛЮ/ВЕЛИКО* имеют облигаторные семантические актаны *Y* 'предмет одежды' и *Z* 'мера отклонения', которые не могут быть выражены в конструкции ДПС: фраза *#мне мало на два размера* не может интерпретироваться как полное безличное предложение. В конструкции ДНС, где *Y* занимает позицию подлежащего, ограничений на визуализацию *Z* нет: *Платье было мало мне на два размера*. В целом материал подтверждает гипотезу о том, что в русском языке предикативы, принимающие дативные субъекты, не сочетаются с каноническими подлежащими в Им. п.

О.В. Чагина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Конструкции стального пассива

в лингвистическом описании русского языка как неродного

В сообщении рассматриваются конструкции стального пассива как одна из смежных языковых зон, соотносящаяся с категорией пассива. Эти конструкции рассматривались многими лингвистами (Л.Л. Буланин, В.И. Гаврилова, В.П. Неядков, С.Е. Яхонтов и др.) Здесь же данные конструкции анализируются с позиций описания русского языка как иностранного (РКИ), что позволяет исследовать языковые факты под углом особого видения их изучающими русский язык как неродной. Необходимость углубленного описания структур стального пассива обусловлена тем, что они трудны для иностранцев по причине совпадения в ряде языков конструкций стального и акционального пассива, что часто приводит к ошибкам: **Горы у нас в стране круглый год покрываются снегом*. В сообщении уточняются дифференциальные семантические признаки, разграничивающие

конструкции акционального пассива, значение которых сводится к семантической формуле 'деятель и действие' (*Фасад здания украшен известным художником*) и стального пассива, передающего значение 'что находится где' (*Фасад здания украшен мозаикой*). Обращается внимание на различия категориальных признаков имен в составе структур стального и акционального пассива. Учитываются видовременные характеристики глагола в номинативно-аккузативных конструкциях и в их конверсных коррелятах. Определяются типы текстов, для которых структуры стального пассива наиболее органичны; уточняются условия выбора нужной структуры из ряда синонимичных предложений.

И.А. Шаронов

Российский государственный гуманитарный университет
Связь «собираемости» и анафоричности в употреблениях собирательных числительных

Собирательные числительные (*двое, трое, четверо* и т.д.) – небольшая «пережиточная» группа слов, вариантов к соответствующим количественным числительным (*два, три, четыре* и т.д.).

В ориентированных на традицию работах особая семантика собирательных числительных, отличающая их от семантики количественных, описывается как передача нерасчлененной совокупности предметов, связанных с описываемым действием или признаком. Однако экспериментальное сопоставление числительных двух групп в одном контексте, напр.: *Два студента пришли вовремя, а три опоздали* и *Двое студентов пришли вовремя, а трое опоздали* не всегда позволяет увидеть семантические различия, и поэтому во многих словарях и пособиях особое значение, приписываемое собирательным, игнорируется.

В докладе, отталкиваясь от анализа слова *оба*, которое традиция также относит к собирательным числительным, мы выявляем связь признака собираемости с анафорической функцией для значительного количества употреблений рассматриваемой группы числительных.

М.Н. Шевелёва

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
К истории древнерусского глагола *бывати* (аспектуальная семантика)

1. Особые свойства совр. рус. глагола *бывать*, отличающие его от большинства итеративных глаголов типа *хаживать, жить, есть* и под., объясняются исторически. Если прочие итеративы возникают не ранее конца XIV в. как производные с помощью суффиксов имперфективации от простых бесприставочных основ, утративших к этому времени видовую неохарактеризованность и ставших глаголами НСВ, то *бывати* восходит к праславянской эпохе – он хорошо известен и в ст.-слав., и в раннедр.-рус. источниках: в др.-русском это имперфектив от неохарактеризованного по виду глагола *быти*. Аналогичное образование представлял др.-рус. глагол *видати*, производный от неохарактеризованного по виду *видѣти* и также известный уже в памятниках XI-XII вв. (совр. рус. *видать*, как и *бывать*, имеет отличия от прочих бесприставочных итеративов).

2. Др.-рус. *бывати*, будучи имперфективом от *быти*, мог употребляться как в итеративном, так и в неитеративном значении. При этом неитеративное употребление особенно характерно для книжной вост.-слав. традиции XI-XVII вв., оно находит соответствие и в старославянском. В некнижных др.-рус. текстах XII-XIV вв. итеративное употребление *бывати* преобладает.

3. С возникновением на рубеже XIV-XV вв. итеративов типа *хаживать, живать* и под. и ростом их продуктивности старое *бывать* втягивается в их «орбиту»: самым типичным употреблением для него становится, как и для них, общефактическое прошедшее, часто встречаются контексты общефактического отрицания типа *не бывало* (-ль, -ла, -ли), легко возникает значение противопоставленного последующему положению дел прошедшего (*прежде того не бывало, не бывало николиже*) – последний тип употребления появляется у *бывати* еще в др.-рус., «предвосхищая» соответствующее употребление поздних итеративов. Как и *бывати*, подстраивается под новые итеративы др.-рус. *видати*; в это время в старорус. памятниках фиксируется глагол *слыхать*, решающую роль в типах употребления которого играет аналогия с *видать*.

При этом «старые» *бывать* и *видать* не утрачивают форм наст. времени. Кроме того, до нового времени сохраняется возможность неитеративного употребления *бывать* (как и *видать, слыхать*). Правда, в некнижных текстах XVII-XVIII вв., как и в фольклорных текстах, это преимущественно те типы употребления, в которых и для поздних итеративов семантика кратности нейтрализуется. Древняя способность *бывати* иметь неитеративное значение поддерживается возможностью поздних «многократных» глаголов выступать в общефактических контекстах неитеративной интерпретации.

И.С. Юрьева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Место инфинитивных конструкций с начинательными глаголами в системе прошедших времён древнерусских и церковнославянских текстов

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

В докладе будут рассмотрены особенности функционирования инфинитивных конструкций с претеритами глагола *начати* (*почати*). В качестве основного материала выбраны ранние древнерусские летописи и некоторые восточнославянские переводные памятники.

Нача-конструкции в восточнославянских текстах употребляются в статистически значимых количествах: в переводных памятниках их употребимость сравнима с формами плюсквамперфекта, в некоторых оригинальных – даже имперфекта. Семантика и сочетаемость древнерусского *начати* (*почати*) значительно отличались от современной ситуации.

Можно предположить, что рассматриваемые сочетания в древнерусском языке были встроены в систему претеритов и могли выступать, в частности, как аналог начинательного имперфекта в старославянском языке.

**Грамматические процессы и системы
в синхронии и диахронии**
Тезисы докладов международной конференции

Подписано в печать 24.05.2016 г.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 100 экз.